

18+

*Надежда
Гладкая*

Музыка

Роман

Надежда Гладкая

Музыка

«Издательские решения»

Гладкая Н.

Музыка / Н. Гладкая — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515377-7

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Мелодрама с элементами мистики и детектива. Конец XIX века. Нелепый и жуткий зигзаг жизни уводит героев от любви и счастья в чудовищный мир. Сколько сил и людей приходится призвать Провидению, чтобы исправить ошибки двух влюблённых и восстановить утраченную гармонию!

ISBN 978-5-00-515377-7

© Гладкая Н.
© Издательские решения

Содержание

глава 1 немое сияние сердца	6
глава 2 затмение	15
глава 3 болотные огни	23
глава 4 лунный свет	40
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Музыка

Надежда Гладкая

© Надежда Гладкая, 2020

ISBN 978-5-0051-5377-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

глава 1 немое сияние сердца

Музыка всё кружила и кружила. Как метель, которая танцует всё в одну сторону, плавно и мерно, и вдруг, подчиняясь мановению своего господина – ветра, неожиданно, но мягко меняет направление, продолжая вырисовывать невидимые круги. И вновь, как бы опомнившись и чуть помедлив, возвращается на прежние завитки и вензели. Узор музыки состоял из множества таких кругов и эллипсов, причудливо соединяющихся в единую канву мелодии.

Елена Николаевна сама прекрасно играла на фортепьяно и отлично знала строй этой, пленявшей её, музыки, не столь давно открытой и вошедшей теперь в моду. Но, всякий раз, как она намеревалась сыграть это, что-то отвлекало её, она уходила, а после забывала об этом. Когда же вновь вспоминала и доставала ноты, чтобы сыграть пьесу «К Элизе», ею вдруг овладевала странная слабость и даже страх. Однажды, желая преодолеть эту странность и сердясь на саму себя, она всё же открыла тетрадь и уже опустила пальцы на клавиши, но у неё закружилась голова, и она едва не потеряла сознание. До самого вечера после она ощущала неприятное давление в висках и нечто, похожее на дурное предчувствие.

Елена Николаевна была довольно здравомыслящим человеком, поэтому все эти непонятные явления отнесла на счёт пошатнувшегося здоровья. Доктор прописал ей какие-то капли, диету и здоровый сон. Никому о своих необычных ощущениях она не рассказала, а совмещение их с намерением сыграть «К Элизе» оценила как совпадение. От мысли играть мелодию она всё же отказалась, мотивируя внутри себя это решение тем, что у неё и без того достаточно забот, чтобы морочить голову ещё и метафизикой. Будучи женщиной верующей, она никогда не одобряла, например, новомодных спиритических сеансов, от которых в последнее время буквально с ума посходила вся Европа. Само слово «метафизика» в их семье считалось ругательным.

И вот опять эта несносная музыка напомнила Елене Николаевне её ощущения. Сама композиция не вызывала у неё ничего кроме удовольствия. Она любила эту пьесу. Но стоило ей самой приблизиться к ней хоть на шаг – начиналось Бог знает, что! Сейчас, слушая, как играет Варенька, Елена Николаевна чуть улыбалась, любуясь и музыкой, и тем юным созданием, изпод пальцев которого лились эти милые звуки. Варенька, младшая дочь графов С., устроивших сегодняшний приём, иногда поглядывала в сторону Елены Николаевны и тоже улыбалась ей.

У графов С. Елена Николаевна была впервые. Она не стала излишне ломать голову над тем, почему граф, известный в Петербурге человек и давний знакомый её отца, никогда не приглашал их с матерью в свой дом, с тех пор, как погиб её отец. Прежде родители бывали у них, приходясь этой семье дальними родственниками по какой-то очень сложной цепочке семейных связей.

Заслуженный боевой генерал, её отец, Николай Иванович, имел неосторожность высказать сочувствие к судьбе декабристов. К судьбе, но не к поступку. Близкие прекрасно знали, что то было лишь отеческое сострадание православного человека молодым заблудшим душам. Да и после той истории прошло более полувека. Призывать к смуте и братоубийству, и кому? Дворянам, офицерам! Самое последнее дело – поднять руку на человека! Устраивают, видите ли, счастье человечества, проливая кровь всё того же человечества. Лишь просто по-отцовски генералу было жаль молодых парней, которые погибли ни за грош, а ведь могли бы послужить отечеству.

Именно эту фразу он и произнёс однажды в одном из собраний. О высказывании стало известно императору, очень болезненно относившемуся ко всякому упоминанию о каких бы то ни было бунтовщиках, особенно после убийства его предшественника. Николая Ивановича тихо и вежливо попросили отправиться на Кавказ, «где нужны опытные полководцы, могущие вразумить молодые горячие головы». Было понятно, что это ссылка. Но отец не роптал, ибо

на всё воля Божия. «Что ж, – сказал он, – и там послужим!» Обидна ему была не сама опала, а то, что его заподозрили в сочувствии бунтовщикам. Его, богобоязненного и законопослушного человека, верою и правдой служащего царю и отечеству.

Смерти генерал не искал, она сама нашла его в глупой стычке, спровоцированной каким-то безшабашным корнетом. Именно пытаясь вразумить горячие головы, Николай Иванович подставил себя под пулю черкеса.

Последняя поездка в Петербург запомнилась Елене Николаевне, как одно из самых тягостных событий её жизни. Как ни любила она русскую столицу, но горечь утраты затмила в её душе всё очарование града Петрова. Они с матерью приехали тогда узнать что-либо об отце, от которого уже два месяца не получали никаких вестей. Матушка велела тогда извозчику отвезти их на Пулковскую высоту, откуда бывает виден крест Святого Исаакия. Увидеть блеск его считалось хорошей приметой.

Было раннее утро, лучи восходящего солнца только-только коснулись самых высоких крыш города. Елена Николаевна увидела сверкающий крест, и мать увидела тоже и вскрикнула: крест был красноватым! Восходящее солнце окрасило его в цвет зари.

В тот же день, будучи приняты у управляющего департаментом, они получили скорбное известие о том, что их отец и муж погиб, как герой, в схватке с черкесами и похоронен в том же селении, где нёс службу, о чём его семья должна быть оповещена ещё месяц назад.

«Как, разве не получали Вы, сударыня, письма и посылки с личными вещами генерала? Ах, вот как! Приносим Вам свои глубочайшие извинения и соболезнования. Как только ситуация прояснится, мы Вам тотчас же сообщим».

Елена Николаевна с матерью, заливаясь слезами, покинули департамент и, наняв извозчика, поехали к графу С., чтобы там переночевать и немного прийти в себя. А кроме того, поговорить о странном стечении обстоятельств: почему ни письмо, ни известие, ни посылка так и не нашли адресата? Какой низкой халатностью вызвана эта оплошность? Не рядовой погиб, боевой генерал!

Прислуга сообщила, что граф С. со всей семьёй выехал на воды, и о своём предполагаемом прибытии домой распоряжений не оставил. Во время всего их разговора с прислужкой в доме раздавался лай любимой графиней левретки Лисоньки. Графиня никогда не расставалась с любимицей, даже, выезжая в театр, брала её с собой в ложу. Но Елена Николаевна не привыкла дурно думать о людях. В конце концов, как можно осудить понятное желание человека оградить себя от дурной участи, постигшей другого человека? Отец пострадал всего лишь за слова, которые были неверно истолкованы. А принять неугодного человека, всё равно, что подписаться под его словами. Опала не такая вещь, с которой шутят. Кое-как перебившись в гостинице, поставив на другое утро в трёх храмах заупокойные свечи, женщины уехали домой, в Москву.

И вот теперь, спустя четыре года, графы С. вдруг любезно приглашают её погостить.

* * *

За это время Елена Николаевна похоронила мать и мужа, скончавшегося от пневмонии. На её руках теперь оставались пятилетний сын Митя и трёхлетняя Танюшка. Никого из родных подле неё не было. Сестра мужа, живущая в Рязани, изредка навещала их, нянчила Танюшку, пыталась играть с племянником, даже предлагала увезти детей на лето к себе в имение. Но Митя не жаловал своей тётки. Наученный матерью, бывал вежлив, но при первой же возможности улизнуть от неприятных родственных обязанностей, с радостью делал это.

Было время, когда Елена Николаевна уже почти считала, что скоро вновь будет замужем. Она думала, что один из самых добрых и замечательных друзей её дома, Алексей Платонович Неволин, вот-вот сделает ей предложение. Благородство этого человека всегда привлекало её. Импонировали ей мужчины умные, образованные, открытые. Инженер Неволин полностью

соответствовал этим чертам, и имел наружность располагающую, приятную. К тому же, он был поэт.

Ещё в бытность свою девицею, Елена Николаевна не раз получала от него поэтические послания, исполненные восхищения ею, благоговейного преклонения, но не содержащие ничего лишнего, напускного или порочного. Её женскому сердцу милы были эти знаки, но она не смела искать в них более того, что было в строках. Хотя между строк Алексей Платонович, тогда ещё студент, невероятным образом угадывал самые сокровенные мысли своей милой знакомой, угадывал самую её душу, и умел вплести всё это в поэтическую нить так, что только одна лишь сама хозяйка этих грёз в изумлении улавливала их сквозь поэзию.

Иногда в те вечера, когда в доме у родителей Елены Николаевны собиралась окрестная молодёжь, порой затевалась между ними игра в угадывание мыслей. И не было случая, чтобы Алексей Платонович не угадал, что задумала Елена Николаевна, приговаривая при этом: «Что приказала моя душенька?» Друзья их в шутку окрестили Елену его душеприказчиком. Он называл её «мой свет», «мой светоч», «мой факел». Она же была тогда безмятежна, всё вокруг казалось ей лёгким, звонким, как колокольчик. И само её ощущение от присутствия Алексея Платоновича ассоциировалось у неё со звуком колокольчика. Когда приходили другие и звонили у дверей, она порою и не слышала. Но его звонок в любом уголке дома она если не слышала, то безошибочно угадывала. Им было легко и покойно друг подле друга, так легко, что ей казалось это естественно и привычно, словно так должно быть и будет вечно. Она не думала ни о чём и ничего вокруг не замечала.

Её старая няня говорила: «Ангелы над вами поют». «Почему, нянюшка?» «А потому, что идёт всё по Божескому. Когда так идёт, в душе мир и Ангелы радуются. А когда мы воли Божьей не разумеем, тогда они плачут». О смысле няниных слов Елена Николаевна просто не думала. Чувствовала только, что они легки и веселы, и радостно смеялась.

В один прекрасный ли день судьба внесла свои хозяйские коррективы в их жизнь. Алексею родители устроили продолжение учёбы в Европе. Он уехал, забросав на прощание Елену Николаевну пылками, но туманными посланиями. Она ничего не поняла из этого и ничему не придавала значения. Не могла и представить, что может что-то сделаться не так. Тем более, что внешне всё оставалось по-прежнему, все прочие были тут же и продолжали мельтешить перед нею каждый день. Лишь по прошествии недели она почувствовала, что ей словно чего-то не хватает, нарушена какая-то гармония. И колокольчик всё ей чудился, будто где-то далеко, будто ямщик едет в чистом поле. Вот что! Ведь это он уехал, далеко, надолго! Зачем? Ну, очевидно, так нужно. Нянюшка глядела на неё отчего-то грустно и головой качала. «Дитятко, что ж ты у нас воздушная какая? Погляди на землю-то, ведь пропустишь жизнь свою».

Незадолго до этого в их кругу появился блестящий молодой барич, Сергей Львович, сын соседей, не менее благородный и обаятельный, и – что не скрывалось при обсуждении этой партии для Елены – состоятельный. Бывал на вечерах в их доме, явно ухаживал за Еленой Николаевной. Она рада была его присутствию, с ним было весело, но рассеянно принимала его ухаживания, душою же находясь где-то далеко. Просил её часто играть, и особенно «К Элизе». «Это теперь так модно в Европе», – говорил он. Она играла так же рассеянно, уловив из его слов только фразу «в Европе». Там, в Европе, теперь находится её друг. Изредка приходят к ней его письма, наполненные стихами и краткими рассказами об учении, и только. Рассеянность её переходила в смутную тревогу, она бросала игру, извиняясь и говоря: «Я плохо знаю эту пьесу». Сергей Львович, напротив, был человек деятельный, и без всяких околичностей сделал ей предложение. На семейном совете было решено, что со всех сторон этот вариант имеет только положительные стороны, да и пора ей. Они обвенчались довольно скоро, к всеобщему удовольствию. Их отношения с мужем нельзя было назвать очень горячими, во всяком случае, она так считала, но они вполне ладили и благополучно прожили семь лет.

Алексей Платонович тепло поздравлял молодую чету, даже написал что-то в стихах. Елена Николаевна отметила про себя, что мадригал был плох, скроен наобум, и удивлялась, как испортился вкус её друга. Но через пару дней с посылным она получила конверт на своё имя, в который вложена была фиалка и согнутые вдвое листки с проникновенными, но благородными стихами. Одно из них, как ей показалось, вовсе не содержало лирики. Оно вселило в неё грусть и смутное ощущение того, что с её другом происходит что-то тревожное. Что именно, она распознать не могла, но тоненький колокольчик тоскливо тенькнул внутри неё. Неволин писал:

*А прошлого на свете просто нет,
Такой материи в природе не бывает.
Лишь тусклой хилой тени силуэт
В обломках зданий тихо исчезает.*

*И в тишине, пронзительной и жуткой,
Где нет ни времени, ни прочих измерений,
Ослепший ветер жухлой незабудкой
Гоняет жалкие крупицы сожалений.*

*Но также нет и будущего в мире.
Там, где пройдёт оно, пока лишь мрак и хаос.
Полоска света делается шире —
И только двери распахнуть осталось...*

*Вот-вот реальность форму обретёт
И сложится в сплетенье дней и судеб,
И назовётся именами — но вот-вот...
Ну а пока что нет, а только будет.*

*И станет настоящим. Но едва
Его проявятся в пространстве очертанья,
Как закрывается прочтённая глава,
И настоящее становится преданьем.*

*Всё то, чему ведём мы строгий счёт —
Иллюзия пути в безкрайней груди,
Течение из того, чего и нет ещё,
Туда, где ничего уже не будет.*

Выбор цветка так же удивил её. Она не помнила, чтобы когда-либо высказывала вслух свои пристрастия. О нет! Внутри у Елены Николаевны всегда фонтанировал целый калейдоскоп мыслей и эмоций. Но она не имела привычки делиться ими с окружающими. Хотя, по видимому, часто её внутренняя жизнь проносилась у неё на лице, проступала на нём, как яркая краска проступает на тонком пергаменте. Мать, бывало, говорила ей: «Дорогая, ты слишком громко думаешь!»

Алексей Платонович, как никто другой, умел читать эти послания Елениной души во внешний мир. А может быть, ловил и хорошо запоминал случайно оброненные и забытые ею замечания? Фиалка всегда вызывала у неё чувство сожаления, и видом своим, и ароматом.

Почему – она и сама не знала. Хрупкий цветок, который неизбежно увянет. А запах его казался ей меланхоличным. Выходит, смысл всего послания – сожаление?

Как бы то ни было, фиалка затронула что-то внутри Елены Николаевны, что-то смутное, и не ясно было, нравится ли то ей, или нет. Нравилось, наверное, то, что Неволин, как всегда, угадывает её, а не нравится, что между ними что-то не то. Он пишет об этом, а она, безтолковая, не в силах понять. Только где-то в глубине души, тихо-тихо, будто издалека, грустно позванивал маленький колокольчик.

Ей вскоре пришлось посмеяться над собой – в передней устанавливали новый звонок, это он звенел, когда дворник влезал на лестницу, чтобы повесить его над дверью.

«Ну вот, – сказала старая нянюшка, – новый звонок – новые вести. Теперь ждите, кто первый позвонит в него, такую и весть принесёт». В тот же вечер обновка пригодилась, колокольчик весело затренькал, оповещая дом о гостях. Но, как нарочно, дома были только Елена Николаевна и няня, которая вдобавок придремала за своим вязанием. Хозяйке пришлось открыть самой. Она изумлённо ахнула, увидев, кто пришёл. «Это Вы...» – только и смогла вымолвить. Неволин стоял перед нею, держа в руках свою шляпу и какой-то большой свёрток, и, казалось, не вполне сознавал, где он и что с ним. Наверное, он просто не ожидал, что сразу увидит её, а приготовился здороваться с прислугой или домочадцами. С чуть приоткрытым ртом он так и замер на месте и, не отрываясь, смотрел на Елену Николаевну. А она на него. Он похудел, лицо стало какое-то... строгое, что ли. Ну разумеется, он много занимается, не спит ночами, корпит над своей наукой. Питается как попало, забывая поесть...

Она думала обо всём этом, чтобы как-то выдержать его взгляд. Сколько всего в нём было, ей не суметь выразить, она не умела так изъясняться, как он, не то что в стихах, но даже простыми словами. Он, должно быть, тоже теперь не мог, потому что молчал и только смотрел на неё. Потом вышла в переднюю няня, и Алексей Платонович поздоровался с нею, с видимым облегчением начав говорить, обращаясь как бы к ней. О том, что он только что приехал и сразу к ним, о том, что в свёртке подарки – сувениры из Европы, книги. Он пробыл в гостинной минут десять и быстро ушёл, сообщив, что приехал надолго и будет к ним заходить.

Пока они обменивались с Еленой Николаевной светскими фразами хозяйки и гостя, вопросы-ответы о том, у кого как дела, нянюшка молча глядела на них, сидя в уголке у окна. Когда Неволин ушёл, Елена сказала няне:

– Что ты так холодна с ним? Вы всегда дружили. Он может подумать, что ему не рады.

Говоря это, она ловила себя на том, что не может называть Алексея Платоновича вслух, да и про себя, по имени, а только «он». Словно боится прикоснуться.

Нянюшка покачала головой:

– Начто скорлупа, когда яичко съели?

Елена Николаевна в душе рассердилась на няню. А потом на обоих – и на гостя. Вот уж любители молчаний да иносказаний. Она, как вечная ученица, должна их загадки разгадывать. Но потом рассмеялась, вспомнив, как Алексей Платонович, уходя, стал надевать свою шляпу, а из неё посыпались фиалки. Он положил их туда, когда входил, чтобы отдать ей после свёртка, и забыл. Они оба бросились подбирать цветы с пола и ударились головами. Между прочим, довольно сильно. Было больно и неловко от того, что они оказались совсем рядом. А няня, до сих пор хранившая хмурое молчание, тут расхохоталась, хлопая себя руками по фартуку и приговаривая: «Вот так, вот так!».

Неволин появлялся изредка в новом доме своей старой знакомой, где бывал не без удовольствия принят. Хозяйка, однако, заметила, что он как будто избегает оставаться с нею наедине, изыскивая к тому разные предлоги. Лишь однажды, извинившись, что плохо играет в карты, он оставил прочих гостей и хозяина и напросился в общество Елены Николаевны, одиноко сидящей за столиком на веранде с каким-то журналом в руках.

– Светик мой, Елена Николаевна, позвольте нарушить Ваше уединение. Вы же знаете, игрок из меня неважный. Не знаю, правда, гожусь ли я ещё в кавалеры милым дамам?

Она засмеялась. – Что с Вами, Алексей Платонович? Когда это Вы начали напрашиваться на комплименты? Ваше общество всегда было мне приятно, как и всякому другому.

Он вяло повторил: «...Как и всякому другому...»

– Да что с Вами, друг мой? Вы как будто не в себе сегодня? У Вас случилось что-нибудь? – она испытующе поглядела на него.

– Можно сказать, что и не в себе. Очевидно, я теперь в ком-то другом. Или во мне кто-то другой.

– Прежде Вы, если и говорили загадками, то, по крайней мере, в стихах. Ну, расскажите же, что такое Вы привезли из Европы, что находитесь не в себе?

Алексей Платонович как-то нарочито переменил выражение своего лица и с увлечением начал рассказывать, что он привёз мечту об удивительной машине, которая покорила уже всю Европу и теперь должна покорить и Россию. Сам знаменитый инженер Дизель показывал ему действие этого великолепного агрегата. И он, Неволин, будет причастен к историческому моменту.

Елена Николаевна слушала, но почти не слышала этого рассказа. Лицо Алексея Платоновича было бледно, несмотря на воодушевление, с которым он говорил. Глаза же непрерывно смотрели на неё с каким-то мучительным выражением.

– Я очень рада за Вас, мой дорогой друг. Ваш талант должен же, наконец, быть востребован. Благодаря Вам, и мы приобщимся к великим событиям.

– Елена... Николаевна... Помните, одно время я называл Вас просто по имени?

– Ну конечно, я помню это. Можете и теперь называть, ведь мы знакомы уже сто лет...

– Когда мужа нет поблизости? – Алексей Платонович сдавленно выдохнул и умолк, казалось, на полуслове. Он увидел, как Елена Николаевна смешалась, опустила голову и, через паузу, сказала:

– Алексей Платонович, Вы никогда не были безтактны. Что с Вами произошло? Ведь Вашему настроению должна быть причина, не так ли?

– Простите меня, свет мой! – Неволин встал и, повернувшись боком к собеседнице, начал говорить, подбирая слова:

– Вы ведь знаете сестру доктора Ляховского? Очень милая молодая особа. Брат опекает её, как отец, хотя они совершенно разные... Словом, Елена Николаевна, – он собрался с силами, и постарался переменить тон на беззаботный, – как Вы думаете, пора такому закоренелому балбесу, как я, взяться за ум, и... всё такое...

– Боже мой, Алексей Платонович, неужели Вы решили кому-то сделать предложение?

Он мученически посмотрел на неё и вздохнул.

– Уже сделал. Вы одобряете?

– Почему же Вы спрашиваете меня? Разве я Вам мать или сестра? И разве не желала я Вам всей душою счастья? Всегда и всем сердцем я хотела бы, чтобы Вы были счастливы, чтобы исполнились все Ваши научные проекты...

Пальцы её дрожали. Он посмотрел ей прямо в глаза долгим, слишком долгим взглядом, напряжения которого она не выдержала.

– Любезный мой Алексей Платонович, я очень рада за Вас. Пани Полина очень симпатичная девушка.

Вошли мужчины, возбуждённо обсуждающие свою игру. Неволин взял руку Елены, нежно поцеловал её, поклонился и, простившись со всеми, уехал.

Утром Елене Николаевне принесли конверт с несколькими, вложенными в него листками, исписанными безконечным, упоительным стихом.

*Не в силах ум сдержать волненья,
Что грудь терзает и томит,
И нет ни в чём успокоенья,
Куда-то мимо жизнь летит.*

*Ещё в душе хранятся робко
Обрывки звуков нежных струн...
Их прочь относит явь так ловко,
Как пену волн морских бурун.*

*Ещё мне грезятся призывы
К возврату жизни той былой,
Ещё во мне, как будто, живы
Мечты о бытности иной.*

*Увы! Бесплодны ожидания,
И тьмой чертоги грёз полны,
Где не исполнились желанья,
Где не сбылись младые сны.*

*Неудержимого порыва
Разбит о камни утлый чёлн,
И звук могучего призыва
Непониманью обречён.*

*Там, где вчера играла радость,
Теперь всё мертво и бледно,
И птица серая – усталость
Спустилась тихо на окно.*

*А за окном вчера был праздник,
Сияли краски, пела высь.
А нынче все огни погасли,
Цветы за ветром унеслись.*

*И нет ни времени, ни места.
Один, в объятьях полусна.
Осеннюю скупую пьесу,
Уйдя, оставила весна.*

*Её мы слушаем печально,
Мечтать не смеем и молчим.
И ждём чего-то, и нечаянно
Надежду робкую таим.*

*Но не сплести цветов увядших
В живые, свежие венки,
И в днях былых, давно пропавших,
Осыпались их лепестки.*

По счастью, рядом никого не было, никто не заметил румянца на её лице, когда она сидела в кресле, прижав листок к груди, с ошалелым выражением лица. Накануне у неё не было возможности наедине с собой попытаться осмыслить те сложные чувства, которые вызвало у неё признание Неволлина. Они были скорее неприятны и очень походили на уколы ревности.

Муж её вечером был в прекрасном расположении духа, и желал непременно, чтобы супруга разделила его романтические настроения. Такие настроения были постоянным мотивом в их семье, и сквозь это благодушное облако Елене некогда было морочить голову рассуждениями. Позднее, в один из самых тягостных периодов своей жизни, она будет с тоской вспоминать эти безмятежные годы, которых она, должно быть, не успела и не сумела оценить, а теперь уж поздно.

А в то утро она сидела в гостиной и отдавалась своим душевным водоворотам, держа в руках письмо Алексея Платоновича. Как этому человеку всегда удаётся угадать её мысли и чаяния, её чувства, даже самые мимолётные? Нет, не угадать. Это что-то другое. Нельзя ТАК угадать другую душу. Надобно самому иметь подобную же душу. Как мог он знать всё, что она втайне, в самой глубине души пережила и передумала за это время? Или мысли и чувства её переливались по эфиру прямо в его мысли, в его душу? Конечно, они знакомы очень давно. Многие знают друг о друге. Но чувства? Они—то остаются скрыты внутри нас, лишь, может быть, краешком своим показываясь на люди, как айсберги.

«Боже мой, – подумала Елена Николаевна, – он ведь, наверное, любит меня! Вот где должна быть отгадка всему этому колдовству!» Как была тепла и светла их дружба с самого начала, но никогда ей не приходило в голову, что это может быть чем-то большим. Разве она так глупа, что не увидела очевидного? Или это всё-таки обман, морок, наваждение, как с этой музыкой? Но так знать её! Так чувствовать её малейшие душевные движения! Когда-то в юности, увлекаясь, как и все благородные девушки, литературой, она прочла о родственных душах. Там ещё было сказано, что они часто теряют друг друга именно из-за своего сходства. Она тогда не поняла, почему теряют. Не доверяют

сходству? Боятся его? Не видят его? Теперь она сама была тем слепцом, чья левая рука не удержала правой, потому что не увидела её.

«Он, наверное, переживал и мучился, бедный мой друг! Но отчего он никогда не дал знать о своих чувствах? Даже не намекал о них?» Волны эмоциональных порывов окатывали её одна за другой. «Как же не давал знать?! Ведь он всё время говорил об этом! В своих письмах! Старался объяснить, как близки мы друг другу, как хорошо он понимает меня, как ценит! Боже мой! Отчего он не признался открыто, когда я собиралась идти замуж?» Елена Николаевна заплакала. Горький комок вдруг собрался у её горла и рвался наружу.

Новая мысль обдала её, как омыла водой: «Я ведь замужем! Я грешу, думая о другом человеке. Я не должна думать о нём. В конце концов, мужчина должен уметь объясниться с женщиной наяву, а не на бумаге, если ему есть что сказать!» Жалость и симпатия к Алексею Платоновичу, сожаление о несбывшейся любви сменились угрызениями совести и подспудным желанием перенести вину на того, кто стал всему причиной.

«В сущности, – думала Елена Николаевна, – разве мы не счастливы? У меня хороший муж, мне уютно с ним. Алексей собирается создать свою семью. Странно, что выбор его пал на эту жеманную капризную польку. Но, говорят, брат её уж очень хлопочет об этом браке. Пани Полина не отличается строгим воспитанием, и доктор Ляховский опасается, как бы капризы не завели её слишком далеко... Ну вот, кажется, я уже перешла к осуждению!»

Елена Николаевна умыла лицо и прочла покаянную молитву. Вернувшиеся с прогулки дети окончательно вернули её мысли в русло семьи. Вечером, ужиная с мужем и детьми, она не без удовлетворения отметила, что на сердце у неё покойно и светло. Муж улыбался ей, шутил с Митей, который не хотел есть творог. Они все вместе смеялись и были счастливы.

Через пару недель от соседей они узнали, что брат и сестра Ляховские спешно покинули их город, т.к. пани Полине сделалось дурно прямо на одном из светских раутов. Брату не без труда удалось скрыть более или менее этот случай, объясняя его жарой в помещении и усталостью его сестры. А ещё через три дня безследно исчез из общества инженер Неволин. Близкие знакомые говорили, что его, наверное, вызвал опять инженер Дизель. «Учёные и поэты – они так спонтанны, так непредсказуемы! То их внезапно позовёт муза, то яблоко упадёт им на голову. Ветреные господа, ветреные, что уж говорить»!

«Ну, так и не говорили бы! – с раздражением думала Елена Николаевна. – Кабы не эти ветреники, о чём бы вам и говорить было? Удивительно, как люди не имеют собственной жизни! Так их занимает чужая. Тут не знаешь, как всюду поспеть. И семью блюсти, и Бога не забыть, и о себе позаботиться. А ещё столько затей разных приходит. Где музыку новую разберёшь, где чудной узор из ниток придумаешь, а то затеешь с кухаркой новый пирог изобретать. А они не знают, чем занять свой ум и руки! Да лучше поехать в галерею или книгу хорошую прочесть, чем сидеть целый день на балконе, разглядывая, кто и куда идёт, как графиня П., или старый господин Р.».

глава 2 затмение

Оставшись одна с детьми, Елена Николаевна искренне горевала о муже. Весь год она никуда не выезжала из дома, предаваясь то слезам, то воспоминаниям. Потери преследовали её одна за другой. Старая нянюшка совсем расхворалась, и её дети увезли её к себе в деревню. Много внимания требовал Митя, никак не желавший поверить, что милый его папенька больше никогда не придёт поиграть с ним, не возьмёт его кататься, не станет рассказывать историй о храбром солдате и глупом торговце. Мальчик стал замкнут, начал часто простужаться и болеть. Мать была удручена. Детям наняли новую няню.

Танечка, маленький ангелочек, душою удалась, как видно, в мать. Она брала своими ручками лицо Елены Николаевны и пристально вглядывалась в него. Личико её начинало морщиться, и она разражалась громким плачем, от которого долго не могли успокоить её ни мать, ни няня. Девочка желала понять, что такое страшное поселилось на мамином лице, но понять не могла, а лишь впитывала тревогу, которой не могло вместить её сердечко. И тогда слёзы бра-лись вынести эту недетскую боль наружу. Она замолкала только когда Митя, совсем так, как это делал с ним его отец, брал её к себе на коленки и начинал гладить по голове, что-то тихо мурлыча ей в самое ушко.

Сын и внешне был точной копией отца, и теперь старался во всём подражать ему, словно боясь забыть, упустить из памяти хоть одну, даже мельчайшую деталь о горячо любимом папеньке. Глядя на этих двоих осиротевших малышей, мал мала меньше, Елена Николаевна приходила в иступлённое отчаяние.

Кое-как успокоив детей, она уходила в свою комнату, где снова начиналось всё то же – слёзы. Она понимала, что так продолжаться не может. Но что поделать с этим, придумать не могла. Кроме душевной горести их вот-вот могла нагнать ещё и беда безденежья.

Покойный муж занимался коммерческими делами, ничуть не смущаясь своего дворянства. Он говорил: «Титул на хлеб не намажешь. Теперь не то время, чтобы надеяться на мужика, авось да небось прокормит барина!» Но он умер так неожиданно, совсем молодым, что не успел оставить распоряжений о своих делах. Елена Николаевна ничего не смыслила в этих вопросах. Предприимчивые родственники мужа быстро прибрали к рукам его дела, Елене же сообщали то о сложном процессе какого-то перехода, то о племяннике, сбежавшем с деньгами в Америку, то о кризисе и других ужасных словах, которых она не понимала и не любила. Она была не глупая женщина, но только не там, где дело шло о механике или о зарабатывании денег. Оставались только доходы от имения, та скромная доля, которую оставили ей родители. Надобно было растить, а потом и вывести в свет детей. Дать образование Мите и приданое Тане. Елена Николаевна вздыхала и впадала в задумчивость, которая легко приводила её к слезам.

Новая няня детей, уже предвидя такое продолжение, спешила отвлечь барыню разговорами. Все её утешительные речи заканчивались одной и той же мыслью: «Вы, Елена Николаевна, не созданы для одинокой жизни. Вам бы снова замуж пойти». Барыня отшучивалась: «Так ты, может, и жениха уж мне приглядела, Раиса?» «Не наше дело – господам женихов искать. А только одна Вы совсем завянете. Каждый день у Вас глазки-то припухшие. Поехали бы, куда ни то, развеялись, себя показать, других поглядеть».

Елена Николаевна вздыхала, соглашалась с няней, отсылала её прочь и вновь оставалась наедине со своими заботами.

Как-то зимой они поехали с детьми кататься в санях. Была изумительная погода, солнечная, тихая, без мороза. От этого ли, или от какого-то смутного хорошего предчувствия Елена Николаевна улыбалась и даже смеялась несколько раз, глядя, как Митя представляет разных персонажей, стараясь рассмешить её и Танюшку. Мальчик, казалось, немного успоко-

ился, у него стал появляться интерес к жизни. В эту зиму он даже не болел. Дети щебетали, а Елена Николаевна витала в каких-то безмятежных даях, слушая, как звенят голоса её малышей, как весенние колокольчики. Поблизости и впрямь послышался колокольчик – встречный извозчик проехал. Редко, у кого они остались на дуге, теперь не в моде. Она давно не слышала этих звуков в быту, только в храме. Дома у них современный, модный и дорогой – электрический звонок, муж успел провести.

Вдоволь насладившись прогулкой, они напоследок, прежде чем поворачивать домой, остановились в сквере поиграть в снежки. От этой забавы дети непременно вымокнут, и тогда уж только ехать домой. В самый разгар веселья они вдруг увидели какого-то господина, который, смеясь, отряхивал снег со своей шапки. В пылу задора они не заметили, когда он подошёл.

– Зачем же сразу стрелять, сударь? – сказал он Мите. Оказывается, мальчик нечаянно попал в него снежком и теперь стоял, смущённо глядя то на мать, то на неизвестного господина.

Однако господин совсем не был неизвестен Елене Николаевне. Они какое-то время молча смотрели друг на друга, пока Танюшка не начала тянуть мать за руку.

– Добрый день, Елена Николаевна! Позвольте ли присоединиться к Вашему весёлому шалашу?

– Добрый день, Алексей Платонович. Рада встрече. Если не торопитесь, поедemте с нами, расскажете, с какой звезды Вы нынче упали к нам?

– Охотно, свет мой. Да ведь я только что от вас. Сказали, что вы уехали кататься, я на извозчика и следом. Поедемте к Вам, коли не прогоните.

– Посмотрим на Ваше поведение. Едем, время обедать.

Всю дорогу они молча смотрели друг на друга, отмечая знакомые и незнакомые черты в лице, взгляде. Девочка задремала, а Митя разглядывал Алексея Платоновича. Дома он потихоньку отозвал мать и спросил:

– Мама, а я прежде мог видеть этого господина? Мне кажется, я знаю его, но не могу припомнить его имя...

– Вряд ли, дорогой. Ты был ещё очень мал, когда он уехал из Москвы.

– Это друг моего папы?

– Не совсем. Просто знакомый. Ступай, детка, переодейся и умойся к обеду.

Перед тем как сесть за стол, Алексей Платонович подошёл к Мите и сказал:

– Давай, брат, знакомиться. Я Алексей Платонович Неволин, можешь звать меня просто дядя Алекс. А ты, стало быть, Дмитрий?

– Дмитрий Сергеевич!

– Извини, Дмитрий Сергеевич! Ну, пошли обедать.

Няня Раиса привела умытую, но сонную Таню. Елене Николаевне показалось, что, усаживая девочку за стол, та как-то неприятно посмотрела на Неволина. Посмотрела, что называется – зыркнула. Но особого значения этому придавать не стала – няня вообще была женщина странная. Иногда Елена Николаевна застаивала её у дверей, выходя из комнаты, или возле своего письменного стола. Няня слишком часто под разными предлогами старалась заглянуть к ней в спальню. Всё это она делала с самым добрым и невинным выражением лица, и хозяйка списывала эти подозрения на состояние своих нервов.

За обедом Митя ел плохо, всё время приставая к Неволину с вопросами. Дядя Алекс охотно рассказывал ему и про Европу, и про чудесную машину, которая так сильна, что может сдвинуть гору. Дмитрия Сергеевича няне с трудом удалось увести в детскую, не говоря уже о том, чтобы уложить его спать. Пришлось матери долго читать ему сказку, которую он то и дело перебивал вопросами, так или иначе связанными с рассказом нового дяди.

Лишь когда дом более или менее угомонился, Елена Николаевна пригласила гостя в свой будуар, где за кофе наконец-то выслушала его связный рассказ о прошедших годах. Неволин бежал из Москвы после скандала с пани Полиной, к которому он не был и не желал оказаться

причастен. Писать Елене он не решился. Много работал, остался холост. Приехал домой, узнав, что мать его тяжело больна. После дома первый визит – сюда.

Елена Николаевна рассказала о своей жизни, стараясь не вдаваться в эмоциональные перипетии. Затем они начали вспоминать прошлое, говорить про общих знакомых, что с ними стало и где они теперь.

Незаметно прошло послеобеденное время, в комнату ворвался проснувшийся Митя и вновь завладел своим новым знакомым. Неволин уехал лишь поздно вечером, когда детей уже снова повели спать. Прощаясь, Митя серьёзно спросил:

– Дядя Алекс, Вы ведь не сердитесь на меня за этот снежок?

Алексей Платонович, так же серьёзно глядя на Митю, взял его за руку и сказал:

– Конечно, нет. Мужчины не сердятся друг на друга. Они либо дружат, либо нет. А мы с тобой теперь друзья.

Глаза Мити радостно заблестели. Он крепко пожал Неволину руку и сказал:

– До завтра, друг.

Елена Николаевна не знала, что думать обо всём этом. Она понимала Митю, которому нужен был отец или друг, заменивший его. Но Алексей Платонович? Это не ему на голову свалился снежок, это он сам свалился, как снег на голову. И сразу столько всего перевернул в её доме и в её душе.

– Алексей Платонович, Вы понимаете, какие опасные слова Вы сказали сейчас моему сыну?

– Я всё понимаю, светик мой.

Уходя, он тепло и долго поцеловал её руку. Надо ли говорить, что Елена Николаевна очень плохо спала эту ночь?

Но кто станет спорить против того, что не спать лучше от счастья, чем от несчастья? Не спав ночь, она вставала теперь свежей и с весёлыми глазами. Не так, как прежде – разбитой и заплаканной. Алексея Платоновича она про себя именовала «подарком ко дню рождения». В самом деле, предстоял день её рождения, и она принялась хлопотать об устройстве праздничного обеда.

Когда день торжества настал, рано утром Митя вбежал в мамину комнату, нежно прижимая к груди какой-то свёрток. Он вскарабкался на постель, обхватил руками за шею любимую мамочку и десять раз подряд сказал: «Поздравляю!», то и дело целуя мать в обе щёки.

– Спасибо, спасибо, малыш! – весело смеялась Елена Николаевна, в свою очередь целуя мальчика. – Давай посмотрим, что там, в коробочке, ужасно интересно!

Митя, затаив дыхание, следил, как мама открывает его подарок. В коробке оказалась чудесная музыкальная шкатулка. На её крышке цвели три удивительно изящно выполненные фиалки – одна чуть более розоватая, две чуть более фиолетовые.

– Нажми кнопочку, – прошептал ребёнок, нетерпеливо трогая мамину руку. Елена Николаевна открыла крышечку и нажала крохотный рычажок. То, что она услышала, заставило её изумлённо посмотреть на сына и поставить шкатулку на столик. Мальчик растерянно глядел на неё, и мать поспешила успокоить его:

– Родной мой, как же ты всё угадал! Это мои любимые цветы и моя любимая музыка. Умница мой, спасибо тебе, это лучший подарок в моей жизни!

Мальчик просиял и воскликнул:

– Мама, вставай скорее, идём! Там сегодня такое красивое солнце!

– Иду, милый. Вот только дослушаю музыку.

Шкатулка играла «К Элизе»... В дверь постучала горничная.

– Доброе утро, барыня! Поздравляем Вас! С утра пораньше уже и послание Вам.

Елена Николаевна приняла маленькую корзинку, в которой благоухали семь фиалок.

В записке Алексей Платонович стихами объяснял, что ждать обеда – непростительное преступление, и он спешит выразить свой восторг по поводу рождения самой светлой женщины на свете.

Корзинка и шкатулка стояли рядом на её столике. Живые фиалки будто кивали хрустальным, а хрустальные пели им нежную мелодию. У Елены Николаевны кружилась голова, она была уверена, что это от счастья!

Приглашённых было немного, но и те по разным причинам приехать не смогли. Родственники мужа бывали у неё всё реже. Сестра его сказала больная. Близкая подруга Елены Николаевны была теперь в положении и нику-да не выезжала. В конце концов, приехал лишь очень старенький матушкин брат, да товарищ Неволина по его научным делам, также инженер, Михаил Арсеньевич Кутасов. Алексей Платонович сказал, что компания блестящих кавалеров (включая Митю) приветствует сегодня Елену прекрасную. Он прочёл красивые, но скромные стихи, после чего все пили шампанское и, несмотря на странность подобравшейся компании, проговорили за столом и в гостиную несколько часов кряду. Горничная Глаша удивила гостей умением играть на фортепьяно вальс и польку.

– Барыня меня научила! – гордо заявляла женщина.

Кавалеры поочерёдно приглашали танцевать виновницу торжества. Товарищ Неволина пригласил присутствующую за столом няню. Но та выпучила глаза, замотала головой и ухватилась за Танюшку. И сидела после с поджатыми губами до тех пор, пока девочка не начала тереть глазки и не запросилась спать. После ухода няни всем стало ещё веселее. Позднее Елена Николаевна сказала Неволину, что ей не было так весело со времён молодёжных вечеров их юности. Старый её дядюшка, уезжая, заговорщически прошептал ей:

– Я ревился сегодня, как мальчишка. Благодарю, Леночка! Будь счастлива, душа моя. Чтобы моё старое сердце было за тебя покойно.

Неволин с товарищем откланялись тотчас же. Уходя, инженер Кутасов тепло пожал руку Елены Николаевны и сказал:

– У вас в доме удивительная аура. Моему другу повезло иметь таких добрых знакомых. Желаю Вам всего самого наилучшего!

Алексей Платонович долго держал в своих ладонях её руку, пока, глубоко вздохнув, наконец, не ушёл, оставив ей очередное послание. Женщина отложила чтение на самый последний момент перед сном, и лишь когда улеглась поудобнее, пододвинув на столике лампу, развернула листок и прочла:

*Святая наука нежности,
Её не постичь головой.
Постой на краю безмятежности,
Послушай тихонько душой.*

*И эту тончайшую музыку
Ты клеточкой каждой поймёшь,
И, словно безценную бусинку,
В ладонях своих бережёшь.*

*Её не уложишь в логику,
Не выдумаешь алгоритм.
Вдохни даже малую толику —
Поймёшь, как он неповторим,*

Тот трепетный шёпот доверия,

*Что трогает сердце твоё.
Быть может, любви он преддверие,
А может, дитя он её.*

Удивительное, тонкое, нежное, но пламенное послание! Но на бумаге, вновь лишь на бумаге. Она не могла заснуть, покуда не начали светлеть шторы на окне, озаряемые ранними утренними лучами. Лишь тогда веки её сомкнулись, давая покой усталым глазам, десять раз пробежавшим строки письма, так и оставшегося в сонной руке.

Старый-новый друг Неволин бывал у них почти ежедневно. Елена Николаевна и Митя были счастливы и безпечны. Что думал и испытывал Алексей Платонович, она не могла и прежде прозреть, а теперь, в дымке радости, так долгожданной в этом доме, её аналитические способности и вовсе терпели фиаско. Только по случайным взглядам и мельком брошенным фразам окружающих Елена Николаевна могла иногда догадаться о том, что отношения их имеют видимый резонанс. Как-то на исповеди пожилой отец Михаил, выслушав, спросил её:

– Всё ли ты сказала мне, дочь моя?

Она растерянно посмотрела на своего пастыря и кивнула. Никогда прежде батюшка не задавал ей таких вопросов.

Яснее всех выразилась няня, ходившая теперь с вечно поджатыми губами и отвечающая барыне коротко и односложно. Она завладела целиком Танюшкой, как бы стараясь хоть её оградить от влюблённой друг в друга троицы. Няня распространяла по дому едкое облако своего неодобрения, которое она возвела в ранг молчаливого страдания.

Собственно, кроме прислуги, в доме никого не было. Родных Елена Николаевна не имела почти совсем. В свете она не показывалась. Так же как и Неволин, ходивший теперь лишь по тропе от своего дома до своего «светика».

Ближе прочих Елена Николаевна принимала горничную Глашу, которая перешла к ней от матери. Глаша искренне любила и старую барыню, и молодой старалась служить не по долгу, а по совести. Душевная женщина очень полюбила детей Елены Николаевны, что вызывало тихие припадки у няни.

Как-то вечером Елена Николаевна спросила у горничной: «Глашенька, ты, верно, знаешь, что происходит вокруг меня, что говорят, что думают. Кажется мне, будто чем-то вызвала я недовольство. Что ты думаешь об этом?»

– Да Бог с Вами, Еленушка Николаевна, барыня милая! Чем же Вы могли кого огорчить? Вы у нас светлая душа, ясная. Разве только дурной человек плохо про Вас помыслит.

– А много таких дурных?

– Да куда же без них денешься? Всяких в мире Божьем живёт.

– Глаша, скажи всё, что знаешь. Отчего прислуга по углам шуршит? Отчего знакомые перестали к нам ездить?

– Кому нужно, барыня, тот приедет. А кому не обязательно, тому и лучше дома посидеть. Всякому своё!

Елена Николаевна рассмеялась:

– Ты, Глаша, говоришь совсем как Алексей Платонович!

– Да ведь и Вы, Еленушка Николаевна, теперь только и говорите, как Алексей Платонович.

Глаша, развеселившаяся было вместе с барыней, тотчас испугалась, что слишком зашла на барский двор. Неужели обидела она Елену Николаевну ненароком со своим бабьим языком? А ведь она любит свою госпожу, ветерку бы на неё подуть не позволила. Не рассердилась ли та? Нет, смотрит внимательно и серьёзно.

– Глаша, по-твоему – какой человек Алексей Платонович?

– Такой, барыня, что и придумать лучше нельзя! Такого человека сразу видно.

– Значит, никого не обижает его присутствие в нашем доме?

– Да кому же обижаться-то? Кроме Вас, барыня, никому от того вреда нету.

Елена Николаевна изумлённо глянула на Глашу.

– Не рассердитесь на меня, никудышную, если расскажу Вам, чего, может, нам не следует и знать? Осуждают Вас, что ездит к Вам каждый день мужчина. Отказались, мол, Вы из-за него от всего белого света. А его называют – не сердитесь, барыня, – Вашим любовником!

Любовником! Ну да, конечно! Как же она позабыла, что есть такие понятия в обществе людском? Что ещё надобно им думать, когда они с Невוליным проводят вместе дни напролёт, да вот уже целый месяц?

Она никогда не вдавалась в те категории, коими мыслит большинство. Её внутреннему миру чужды были эти пошлые сентенции. Хорошее русское воспитание прекрасно сочеталось с сущностью её собственной души, не противоречило, а укрепляло её. Во многих житейских вопросах она была что называется – себе на уме. Это был её своего рода эгоизм – не зависеть от тенденций мира сего. Вся же эта человеческая популяция, коронуящая себя званием «просвещённого общества», лет тридцать назад различала лишь два сорта мужчин: либо муж, что хорошо, либо любовник, что явно неприемлемо, но негласно допустимо и очень пикантно! Теперь же вовсе никаких различий не делает, а творит всё, что только вздумает себе позволить. Но ей-то какое до этого дело? Всяк на свой манер.

Елена Николаевна побывала в трёх ипостасях: дочерью достойного отца, женой достойного мужа и вдовой, плакавшей на могиле мужа. Теперь она просто жила и была женщиной. Женщиной, попавшей в трудную жизненную ситуацию. Но вот Господь послал ей душевное утешение, доброго друга, который теплом своим развеял мглу вокруг её сердца. Но понятия «друг» не существовало применительно к женщине. Друзья иногда встречались, а понятия – не было. Общество не позволяет мужчине выходить за рамки натуральных проявлений. Он должен женщину либо желать, либо не желать. А, желая её, оставаться другом – дурной тон. Надобно либо жениться, либо становись, дружок, любовником. Почтительность не в моде.

И вот у неё теперь любовник! Извольте получить. Елена Николаевна рассмеялась, мысленно применив этот термин к Неволину. Буквально несколько дней назад, прощаясь вечером, он наконец-то поцеловал её! Сколько раз прежде, уезжая домой, он шутил:

– Свет мой, спасаюсь бегством, чтобы твой факел не разжёт во мне пламя стихийного бедствия!

Глаша спросила, ободрённая улыбкой хозяйки:

– Отчего это Алексей Платонович всегда называет Вас только «свет» и «светик»? Скажем, есть «любезная», «дражайшая»...

– Ну, наверное, оттого, Глаша, что любезным я его зову. А потом имя моё по-гречески значит «свет», «светильник», «факел».

– Вон оно как! Учёный человек. И хороший. Жалко, что...

– Что жалко, Глаша?

– Да полно, барыня, много и так я Вам глупостей-то насажала! А на счёт того, что говорят, Вы не думайте. Я-то ведь лучше всех знаю, сама, небось, Вас каждый день спать-то укладываю.

Елена Николаевна улыбнулась:

– Что правда, то правда. Спасибо, Глаша. Пойди, я немного почитаю.

– Слава Богу, барыня, что Вы уж больше не плачете.

Глаша затворила за собой дверь. Елена Николаевна, пробовав читать, чтобы отвлечь мысли, проворочавшись полночи и толком так и не заснув, встала, как только начало светать. Мысли её до сих пор крутились, как сложная спираль, всё вокруг одного и того же, как музыка в её шкатулке. Она даже завела её, пытаясь этим созвучием настроить свой внутренний лад. Но ей стало как-то не по себе, и она выключила музыку. Чтобы настроиться на дела, она подо-

шла к окну, отодвинула штору и стала следить, как её люди начинают хлопотный день свой. Между ними она заметила няню Раису, которая передавала у ворот какую-то бумагу незнакомому человеку. «Наверное, пишет своим родственникам. Она ведь, кажется, не москвичка».

Елена Николаевна проследила, чтобы завтрак прошёл как полагается, и чтобы дети были готовы ехать на любимую прогулку. Ждали дядю Алекса. Ожидание давалось детям с трудом, и мать начала читать им из новой книжки. Но ушки их были настроены в сторону звонка у входа в дом. Когда назначенное время давно прошло, Митя прильнул к окну и, не отрываясь, смотрел во двор.

– Дети, дядя Алекс, верно, заболел или у него срочная встреча с учёными. Едемте гулять. Он наверняка придет обедать.

Но ни к обеду, ни к ужину, ни в следующие два дня Неволин не появился. Глаша по молчаливой договоренности с хозяйкой ходила потихоньку навести справки, и вернулась задумчивая и мрачная.

Елена Николаевна, пронервничав три дня, напустилась на неё, как в безумии:

– Глаша, ну что ты молчишь, как пришибленная?! Говори, что ты узнала!

– Тише, барыня, матушка, тише! А то ещё эти услышат, – она кивнула в сторону комнат няни и служанок.

Елена Николаевна потащила Глашу к себе в комнату, где услышала следующее:

– Я, ведь, барыня, знакома немного с их поварихой. Вот чего она мне порассказала. Три дня назад к Алексею Платоновичу приезжала неизвестная ей дама. Говорила с ним минут десять наедине. Затем быстро уехала. После этого Алексей Платонович велел никого не впускать, заперся у себя в комнате и не выходил целые сутки. Тихон, который у него вместо лакея, стучал в дверь и спрашивал, не болен ли хозяин. Из-за двери ответили, чтобы он шёл к чертям! (Здесь Глаша и Елена Николаевна перекрестились). Ещё через день он вышел из комнаты и прошёл в кухню. Было ясно, что он сильно пьян. Тем не менее, он достал бутылку из шкафа, почти всю её к вечеру выпил и велел Тихону подать платье и нанять извозчика, чтобы вёз его в театр. Когда Тихон ему сказал, было, что хозяин не в себе, и в таком виде в театр не ездят, тот ответил ему такими словами, которых в его доме от него отродясь не слыхивали. До утра его не было. А наутро приехал он домой с какой-то барышней. Объявил домашним, что она актриса и будет теперь здесь жить. Она засмеялась и сказала: «Поглядим!» Алексей Платонович велел никого и никогда к нему не впускать.

Елена Николаевна слушала это и не понимала ничего. Это не может происходить наяву! Она измоталась за эти дни и ей снится какая-то чушь! Вот она проснётся, позовёт Глашу и та расскажет ей правду, что Алексей Платонович заболел и передаёт свои извинения и поклоны. Или что он спешно опять уехал по инженерным делам и оставил ей длинное романтическое послание. Она станет перечитывать его, пока автор не вернётся.

Но уловки подсознания не проходили. Явь представала перед ней в каком-то чудовищном и непостижимом виде! Неволин пьёт, как сапожник, и путается с какой-то артисткой! Что за бред?! Какое вздорное наваждение! Елена Николаевна опустила на диван и, обхватив голову руками, попыталась собрать воедино хоть несколько здравых мыслей.

– Что за дама приезжала к нему? Что стряслось у него? Почему не мне первой он поведал о своём горе? Или какой-то позор преследует его? Может, полька объявилась? Нет, чушь! Боже мой! Боже! Что делать, Глаша?

– Что тут поделаешь, барыня? Вы ничего не поделаете, Вы ему никто. Я и то кое-как прокралась, чтобы Вас-то не выдать. Ещё не хватало, чтобы видели, что Ваша горничная там шастает!

Елена Николаевна сходила с ума. Она ничего не могла сделать посреди этих идиотских условностей. Её друг, возможно, попал в беду. А она не может не то что помочь, но даже

знать ей ничего не положено. Она пробовала послать Глашу разыскать Кутасова. Горничная вернулась ни с чем.

– Я видела самого того господина. Да только ничего хорошего он не сказал. Иди, говори, да не хлопочи более об этом. Вот и весь сказ. Забудьте, матушка, Елена Николаевна, это несоразумение! Ведь Вы опять себя изведёте. Не стоит он того.

– Погоди-ка! Отчего это не стоит? Что ты узнала? Прежде ты так не говорила.

– Как возвращалась я от того господина, так увидела, что Неволин Ваш подъехал к дому его с барышней. Очень весёлые, а он так и вовсе навеселе. Едва не поскользнулся, как выходил от извозчика.

Елена Николаевна не заплакала, как того ожидала Глаша. Только сцепила руки и тихо проговорила:

– Что же я скажу теперь Мите?

Глаша заговорила сама, едва не плача:

– Вы меня, барыня, теперь, верно, прогоните. Да уж расскажу всё, как есть. Митя-то ведь письмо ему написал. И адрес как-то узнал. Я выхожу от них, а тут письмо-то это, видать, принесли. Я назад, на кухню. А слышно, как сам-то хозяин как раз выходил с барышней гулять. Тут письмо ему подают. Поглядел он на подпись и говорит: «А, маленький барчук! Бог с ним!» И бросил письмо-то на снег. Я, как все ушли, и подобрала его. Да только оно сильно намокло. Старалось дитя, печатными буквами, четыре слова всего...

– Спасибо, тебе, Глаша. Благослови тебя Бог! – Елена Николаевна взяла письмо и, подумав немного, бросила его в камин.

«Дядя Алекс, приходи скорее...» Её сердце кричало, вопило те же слова. Она же героическими усилиями старалась заглушить эти вопли, противоречащие здравому смыслу, пока не стало казаться, что её сердце и ум – два разных организма, живущих в разных углах дома.

глава 3 болотные огни

Потянулись бесконечно длинные дни и ночи. Елена Николаевна была внешне спокойна и молчалива. Взялась вышивать подушки. Велела читать ей вслух роман. Ездил, по обыкновению, в церковь. Но молитва не получалась, песнопение плыло куда-то над ней, не сумев проникнуть ни в душу её, ни в сознание. Даже после смерти мужа не было того с ней. Всегда служба приносила ей радость, светлое какое-то облегчение, домой шла, как будто приподнятая над землёй. Особенно любила она тихую благодатную вечерню. И вот главная её отрада не имеет больше того спасительного действия, как прежде. Елена Николаевна понимала, отчего это. Ведь когда умер муж, счастье погасло, но честь её оставалась при ней. Теперь было другое дело. Ей казалось, что всякий, стоящий в храме, думает только о ней и Неволине и потихоньку показывает на неё пальцем.

Дети переболели простудой, то один, то другой. Забота о них более всего отвлекала её от своих мыслей.

Нет, мысли никуда не исчезали совсем. Они текли сами по себе, помимо всяких других, проложив внутри Елены Николаевны своё собственное русло. Эта постоянная, никак не желающая заканчиваться, параллельная ежедневному потоку, жизнь её души утомляла и причиняла боль. Будто неизлечимая болезнь, которая изматывает человека, высасывает из него силы и волю к жизни, не убивает, но и не даёт полноценно дышать. Она, как вьюнок-паразит, оплетает жизнь человека, ствол его жизнестойкости. И избавиться от него можно, лишь только повалив само дерево.

Чем больше Елена Николаевна старалась забыть горький инцидент своей жизни, тем всё более навязчиво вторгался он к ней. «Какая гнусность! Какая, в сущности, банальность! – думала она. – Какая классическая пошлая мелодрама! Он – негодяй и обманщик, и она – обманутая и опозоренная. Боже мой, как низко, как глупо!» И то и дело волны жгучего стыда пробегали по её лицу всякий раз, как она вновь и вновь переживала эту драму. «Господи, ведь я уже думала, что счастье моё пришло! Так меня заморочил, так обнадежил, так обволок своим притворным участием. Неужели он желал лишь сделаться тем самым, коим его нарекло знакомое общество? Кто знает, может быть, он уже и говорил с кем-нибудь, что достиг своей цели?»

Эти отвратительные картины приводили её в ужас. Но, представив их так живо, как будто это было сей же час, она чувствовала, как не вяжется всё это с образом, с характером Неволлина. Она знает его столько лет, а он, казалось, знает её вдвое дольше. И эта успокоительная мысль бывала тут же отвергнута, и место её тут же занимали прежние чудовища – подозрение, отвращение и стыд. «Ведь он этим-то и воспользовался, что я безгранично ему доверяю». Если бы предпочёл он ей какую-нибудь достойную женщину, может быть, она смогла бы понять это...

Но нет, нельзя уже было никого предпочесть и ничего понять. Им оставался лишь один шаг до полного единения. Почему же он не сделал его? Всё сводилось к одному единственному выводу, что никаких серьёзных намерений никогда и не было у её друга. Ему надоело ждать её окончательной благосклонности, и он легко нашёл утешение у другой. Так просто, так элементарно. И от этой отвратительной житейской простоты, в свете которой представлялась ей эта история, Елене Николаевне становилось так дурно, что было трудно дышать. Она устремлялась на поиски какого-нибудь дела, разговора с кем-нибудь о чём угодно.

Её подруга присылала ей приглашения быть у неё, но Елена Николаевна отговаривалась то нездоровьем детей, то какими-то делами. О чём стала бы она говорить с этой окружённой счастливым семейством, довольной жизнью женщиной? Жаловаться уж точно бы не стала. А изображать беспечность не умела.

В конце зимы умер её дорогой дядюшка, единственное родное звено, связующее её с прошлым. Замечательный, светлый, жизнерадостный старик. С его уходом потерялась ещё какая-то доля тепла, а каждая его капля так нужна была ей теперь!

Снова пришла весна, тёплая и тихая. Жизнь возродилась во всём своём великолепии. Никакие прошедшие холода, никакие потрясения и катаклизмы не могли остановить жизнеутверждающего шествия.

Елена Николаевна сидела возле окна и думала о том, что она, должно быть, так нелепо выглядит на фоне радостного весеннего пробуждения; что она не удалась природе, потому что не умеет радоваться просто так. Ей так нужно было это чудесное природное свойство к возрождению! Но ведь природу согревает солнце, потому что она так ликует. А когда солнце остывает, она замерзает тоже. Нет, не отличается она от природы. Её солнце не согревает её, и вот ей холодно и мрачно.

Митя ни разу не задал ни одного вопроса о Неволине. Он всё это время наблюдал за матерью, и где-то в глубине своего детского сердца понял что-то такое, что научило его необходимому молчанию. Он часто прикидывал к матери, крепко обнимал её и так подолгу сидел с ней, укачивая её, как маленькую. Митя так рано познал науку заботы о своих близких, так охотно и умело заботился о них. Елена Николаевна думала, что в будущем из Мити получится замечательный муж, какого желала бы всякая женщина.

Размышления её прервал приход няни. Из окна Елена Николаевна видела, как та опять обменивается какими-то бумагами с почтовым курьером. Глаша как-то заметила об этом: «Можно подумать, что нянька наша вовсе и не нянька, а тайный служащий какого-нибудь департамента!» И правда, что-то такое было на уме у этой странной особы.

Теперь она устремилась прямо к Елене Николаевне и сообщила сладеньким голоском, что барыне пришло письмо из Санкт-Петербурга. Елена Николаевна взяла конверт, поблагодарила няню, отметив про себя, что та могла бы передать письмо через Глашу, но принесла его зачем-то сама. Определённо, странная женщина. Вот и не собирается уходить из комнаты, хотя в её услугах в данный момент не нуждаются. Елена Николаевна повторила слова благодарности, пристально поглядев на няню. Наконец, та удалилась, по обыкновению, недовольно поджав губы.

Прочитав письмо дважды, Елена Николаевна позвала Глашу.

– Представь, Глаша, граф С. – помнишь этого папиного родственника? – так вот, ни с того ни с сего, вспомнил о моём существовании. Даже приглашает погостить у них после Пасхи. Приписал при этом, что могу взять с собой детей и няню. Он-де рад будет поглядеть на внуков своего славного товарища. Что бы это значило? Для чего вдруг он ко мне написал? Как ты думаешь, не узнал ли он каких-нибудь подробностей об отце? Может быть, нельзя об этом написать, и хочет он лично мне рассказать?

– Чудно, барыня, – Глаша на минуту задумалась. – Разве узнаешь сразу, что придёт в голову господам? Может, наскучили графам прежние знакомые, так решили завести у себя кого-нибудь свеженького? Вы, Елена Николаевна, всякому обществу украшение составите. Вами не стыдно и погордиться.

– Да полно, Глаша, всегда ты меня захваливаешь, словно я дочка тебе.

– Не дочка, в матери-то я Вам не гожусь, не так ещё стара. А вот сестру бы Вам старшую заменить могла. Кабы рожей познатнее вышла.

– Умеешь ты рассмешить меня, Глаша! Ну, так что, сестра старшая, что присоветуешь?

– Надо Вам куда-нибудь из дома-то прокатиться, развеяться. Петербурх не такой город, чтобы заскучать. Глядишь – и развеется морок-то. И господа, поди, там есть добрые, может, найдётся и барин для нас... Коли уж Вы в Москве никому не рады...

Глаша испугалась сама своих слов, так вздрогнула барыня.

– Никого нам не нужно. Разве дурно вам живётся без барина? Живёте вольно, покойно. Хлеб-соль есть. Что ещё нужно?

Елена Николаевна сложила письмо и убрала его в ящик бюро.

– Я всё же поеду, – сказала она. – Чувствую, что не зря это, что-то скажет мне граф С.

* * *

Елена Николаевна улыбалась музыке и всей обстановке, в которой она теперь находилась. Так долго она была лишена всего этого – красивых залов с сотней свеч, нарядных дам и кавалеров, лёгких непринуждённых бесед, музыки, беззаботного кружения, всего этого светского шарма. Ей было сейчас так легко и весело, что она даже потихоньку дирижировала пальцами ног в носке туфли и посмеивалась про себя этой шалости. Через какое-то время ей стало казаться, что её радостное возбуждение и внутренний смех переходит в какую-то нервную дрожь, лихорадочную и нехорошую. Она пробовала прикрыть глаза, но от этого голова кружилась ещё больше.

«Боже мой!» – думала Елена Николаевна, – «Это несносно! Я больна, по-видимому. Отчего же всё время делается дурно? И эта музыка, она опять здесь...»

Варенька доиграла, наконец, «К Элизе», музыкальная часть приёма окончилась. Гости начали свободно расходиться по залам. Взяв рассеянно какое-то пирожное с подноса, Елена Николаевна вышла в соседнюю комнату и устроилась там подле приоткрытого окна. Воздух, проскальзывающий в помещение, был не так свеж, как в подмосковном имении, но теперь ей и это было во благо.

Покойный отец не любил Петербурга, называл его злою колдуньей, прекрасной и холодной. Что-то было в этом городе такое, чего нельзя объяснить словами, а только ощутить чутким сердцем. Для чего пришла в мир его мистическая красота? Для чего чарует она взор, пленяет душу, а потом обволакивает её неведомой, тяжёлой мукой, непонятной и неизлечимой?

«Какая я, никуда не гожусь! Всё на меня действует, и город, и музыка. И этот господин, с которым, кажется, дружен граф С., так до неприличия пристально смотревший на меня во время музыки... Или здесь теперь так принято, а я просто неотёсанная провинциалка?»

За окном слышались мужские голоса. Одна из дверей залы вела в сад, крыльцо за нею представляло собой подобие портика. Несколько человек громко смеялись, обсуждая что-то забавное, а один выделялся более других, т.к. го-ворил громко и развязно:

– Вы видели, господа, какой миль пардон выписал наш графушка себе из Москвы? Этакый амурчик!

– Вы о той шатенке, которая сидит весь вечер с блаженным выражением лица?

– А, по-моему, вы несправедливы, князь, к этой даме. Она очень и очень мила. Хотя, слово «амурчик» к ней несколько неподходяще.

Смешок предварил следующую фразу. Говоривший её явно хотел поддеть того, кто начал тему:

– Сержу заранее не нравятся женщины, в которых он чувствует характер. А эта может дать отпор нашему Дон Жуану.

– Фи, Николая, какие вензель-пензели ты накручиваешь! – это говорил опять тот, первый. – Где ты видел женщин, дающих отпоры?

– Представь, Серж, что видел. И даже был знаком.

– Это тебя Кавказ испортил, миль пардон. Там отпор дают мужья, кинжал в бок – и кончено дело.

– Полно, не горячись, Серж. Верстовский довольно прожил и в Европе.

– Плевать я хотел и на Европы и на рыжих дур! Кто на пари со мной, что через три дня мадам будет обожать меня?

– Три дня? Лих ты, братец, сегодня! Возьми, хотя бы, неделю.

- Ну, так что? Пари?
- Бог знает что, господа, гнусность какая – то!
- Да тебе-то что, пусть веселится.
- Идёмте, идёмте, господа, последнее «мерси» – и пора по домам!

Голоса за окном отодвинулись, а в комнату кто-то вошёл. Елена Николаевна обернулась и увидела незнакомую пожилую даму. Проходя мимо, она ощутила исходящий от неё резкий, отвратительный запах застарелой пудры, плохих духов и нафталина. Дама чопорно и небрежно оглядела Елену Николаевну и смотрела ей вслед, пока та не вышла совсем из зала. Неприятное, липкое ощущение на спине от этого взгляда оставалось долгое время.

В большой зале вновь начинались танцы. Мужчины, некоторое время отсутствовавшие, вновь входили и приступали с дамами к кружению и шарканию по паркету. Елена Николаевна, давно не танцевавшая, весь вечер ожидала этого момента. Но теперь, когда он, наконец, наступил, она не могла заставить себя унять свои мысли и чувства, вызванные невольно подслушанным разговором. О ком говорили эти господа? Было очень похоже, что о ней. Москвичка, шатенка, выражение лица (она ведь замечталась, слушая музыку) ... Нелепо, неприятно и странно всё это. Обида и досада овладели ею. Отчего она так мнительна? Впервые на долгожданном приёме, в блестящем столичном свете, и дичится, как лесной зверёк! Нет, она не позволит никому испортить ей вечер! Ни людям, ни мыслям. И так уже пропустила два тура, всё осматривалась да приглядывалась.

Словно в унисон её мыслям, к ней подскочил крупноватый, но шустрый кавалер и увлёк её в сутолоку танца. Елена Николаевна невольно вглядывалась в лица дам, отмечая про себя, нет ли среди них шатенок, похожих на неё. Две или три показались ей вполне подходящими. Но как выяснить, не москвички ли они?

Кавалер некоторое время вёл её, наблюдая за её лицом, но, наконец, начал пустосветскую беседу:

- Отчего Вы так молчаливы, сударыня? Вам скучно здесь?
- Ну что Вы, здесь довольно мило.

Одна за другой глупые, пустые, формальные фразы с подоплёкой вечного флирта. Один танец Елена Николаевна простояла с Варенькой у кресел, а в следующий раз увидела, как тот же кавалер направляется к ней. Она растерянно огляделась кругом, в поисках путей отступления, и заметила, что к ней же быстро приближается другой человек. Ей даже показалось, что он старается опередить того, первого. Ему это удалось, и женщина с видимым удовлетворением приняла его приглашение. Мужчина был очень галантен и в целом располагал к себе. После танца он вежливо осведомился, не может ли она уделить ему пару минут. Она охотно согласилась. Они нашли свободный уголок зала возле кадки с пальмой, коими изобилывал дом графов С. Новый кавалер представился ей:

– Рязанов Илья Филиппович, дворянин. Простите, сударыня, мою безцеремонность. Но мне показалось, что Вам пытаются навязать неприятное общение. Если я не прав, ещё раз прошу простить и оставлю Вас.

«Это Вы-то безцеремонны, сударь? – подумала Елена Николаевна. – Да Вас само Провидение послало».

– Мне показалось, что Вы здесь без сопровождения, – продолжал между тем Рязанов. – Если так, предлагаю Вам присоединиться к нам с супругой. Я охотно познакомлю Вас. Позвольте, однако, поинтересоваться, отчего Вы здесь одна? Поверьте, это не праздный вопрос.

Елена Николаевна пояснила, что она в настоящий момент живёт в этом доме, будучи приглашена графами С., её очень дальними родственниками.

– Ах, вот оно что! – удивился Илья Филиппович. Немного подумав, он продолжал.

– Я сам впервые в этом доме. Моя жена познакомилась недавно с графиней С. У них какой-то дамский благотворительный комитет. Наблюдая за здешним обществом, и слыша

некоторые разговоры, я сделал кое-какие выводы. Одним словом, сударыня, будьте осторожны. Очень жаль, что родственные связи вынуждают Вас бывать именно в этом собрании. Я сам здесь в первый и в последний раз.

«Уж не о разговорах ли за окном идёт речь?» – подумала женщина.

Илья Филиппович оглядел залу и сказал:

– Я вижу, моя супруга танцует уже с кем-то. Позвольте пригласить Вас.

Они протанцевали, после чего Рязанов подвёл её к своей жене и представил их друг другу. Татьяна Павловна сразу понравилась Елене Николаевне, и ей показалось, что впечатление было взаимным. Женщина сразу же получила приглашение бывать у новых знакомых. Как вдруг вся эта приятность была варварски нарушена. С первыми тактами следующего танца прежний её кавалер лихо подлетел к ней, выскочив, как тролль из табакерки, и рявкнув: «Миль пардон, господа!» – схватил её и увлёк за собой.

От него теперь заметно пахло коньяком, и хотя он старался держаться вполне прилично, ему это плохо удавалось. Впрочем, это «вполне прилично» продолжалось недолго. Резко пригнув женщину к своей плотной фигуре, он томно (как, наверное, ему казалось) прошипел что-то вроде: «Я без ума от ваших глаз!» Елена Николаевна не могла скрыть своего огорчения от подобного поворота. Танец был слишком длинен, и пытку без скандала нельзя было прекратить. Пару раз, проходя в танце возле Рязановых, она видела озабоченные лица этой супружеской четы, обращённые к ней. Светский любитель коньяка всё продолжал свои пошлые вариации, и Елена Николаевна едва сдерживалась, чтобы не убежать и не расплакаться на виду у всех.

Наконец спасительный финал! Она дошла с кавалером до места, раскланялась и с сожалением простилась с Рязановыми. Они, впрочем, понимающе закивали, давая понять, что она поступает правильно, поспешно уходя с поджидавшей её Варенькой. Девушка проводила Елену Николаевну до её комнаты. С самого приезда гости дочь хозяина питала к ней симпатию и взялась во всём помогать ей. Они как-то сразу поняли друг друга, как это бывает между людьми схожего склада.

Варенька совсем не была похожа на столичную барышню. Внешне всё в ней было так, как велело положение. Она разговаривала на иностранных языках, играла на рояле, пела, танцевала, смеялась. Но делала это так холодно, легко, так поверхностно, словно рассказывала вновь и вновь хорошо выученный, но изрядно надоевший урок. Внутренняя Варенька была где-то очень далеко от всего того, что её окружало. У них с Еленой Николаевной была уже договорённость, что уезжая в Москву, она возьмёт девушку к себе погостить.

– Варенька, побудь со мной немного. Мне так беспокойно что-то.

– Да как тут не расстроиться? Надо же было этому подлецу Воронкову к Вам прицепиться!

– Варенька! Какие слова ты говоришь!

– Простите меня, Елена Николаевна, я так за Вас испугалась! Надо было мне раньше Вас предупредить. Это очень низкий человек. Он здесь хуже всех, самый – самый низкий, каких только можно придумать! Большое несчастье для женщины привлечь его внимание. Сколько опороченных имён и грязных историй связано с этим князьком. А прозвище у него... да-да, у такого человека, кроме имени человеческого, есть ещё гадкое прозвище – «миль пардон»!

Елена Николаевна растерянно слушала Варю, и в душе её прорастала тёмная и липкая тревога.

– Варя, детка, ты очень умная, славная девушка. Ты стала мне очень дорога. Но не слишком ли ты мудра для своих лет? Откуда ты знаешь всю эту... всё это?

– Свет – хороший учитель.

Голос Вареньки стал горьким, она взяла Елену Николаевну за руку и тихо заговорила:

– Хочу Вам открыть свою тревогу, тем более что есть к этому повод. Этот человек очень богат. Папенька держит его в своём кругу за то, что он всегда готов оплатить любую затею – худую ли, добрую ли. Зная все его пороки, папенька водится с ним из-за его денег. Елена Николаевна, я скажу Вам самое страшное: мне кажется, папенька хочет выдать меня за этого князя!

– Разве он холост?

– Теперь женат, но жена его тяжело больна, и говорят, не протянет и месяца. Он уже во всеуслышание объявил, что подбирает себе новую партию.

– Боже мой, какой цинизм!

– Елена Николаевна, милая, увезите меня в Москву, подальше от этой угрозы!

– Я рада, Варенька, помочь тебе. Да ведь без графа мы этого не решим. Одно дело – погостить, а так... И в Москве тебе может быть скучно.

– Да веселье это мне здесь вот как надоело! Пустой, глупый, пошлый шум. И этот страшный человек всё время кружит рядом.

– Варя, детка, рада бы я помочь тебе, да только могу-то я немного. Сама вот чувствую – запутаюсь здесь. А всего несколько дней прошло. Дома как-то всё было понятно, всё на своём месте.

– Вот и надо домой! А я с Вами. Ой, Елена Николаевна, вы не подумайте... Простите меня, гостите, сколько хочется! Какая же я неловкая и дурная! Только потом, когда решите домой...

Елена Николаевна улыбнулась и погладила Варю по рукам, которыми та помогала себе извиняться и упрашивать, то прижимая их к своей груди, то беря собеседницу за руки.

– Варенька, папенька твой не отпустит тебя в Москву. Тем более, если решил выдать тебя замуж. А надобно посмотреть вокруг, нет ли партии другой, подходящей и тебе не противной. И маменьку уговорить на это. Вы дружны с нею?

– Мы ладим, она добрая женщина. Только вот... она дама светская, ей нравится это всё. Матушка ни о чём трудном задумываться не любит. Сколько помню, она всегда погладит меня по голове и скажет: «Иди, деточка, поиграй». Со мной всё больше няня была. Она всему научила, и книгам, и музыке, и про людей много рассказывала. Она раньше была дворянкой, а потом они обеднели. Она в город приехала и стала в гувернантки наниматься, а потом уж и в няньки. У нас она уже старая служила, а года три, как умерла. Она на Вас чем-то походила.

Елена Николаевна всё поняла об этой девочке. Варенька при живой матери лишена была настоящей материнской любви, совета, дружеского участия. Её развитый ум искал себе пищи, и не находил её в кругу бесодержательных людей, коими был полон дом её отца. А чуткое её сердечко всё понимало, но никому не могло поведать своей удивительной природной мудрости и тепла.

Елене Николаевне хотелось отвлечь девушку чем-то хорошим, и она спросила:

– А ты видела ту пару, с которой я разговаривала сейчас? Ты знакома с ними?

– Да, я их видела, – ответила Варя, – они мне понравились. Но я прежде не встречала их, в нашем доме они точно прежде не бывали.

«Теперь я понимаю, почему», – подумала Елена Николаевна. Ей пришла мысль, что, может быть, не графы С. редко приглашали её отца, а он сам не стремился часто бывать у них.

– Варюша, а давай мы с тобою завтра пойдём вместе в храм. В какой-нибудь поменьше, где людей не так много. Постоим, помолимся. Господь все наши чаяния услышит и не оставит нас.

– Ой, пойдёмте, Елена Николаевна! Как Вы хорошо это придумали! Я люблю ходить в церковь, няня меня часто водила. А папенька на праздники только выезжает, когда народу много. Свечки дорогие ставит, а до конца никогда не стоит. А в толпе ни о чём не подумаешь. Только и слышно, как да кто шепчется, о всяких пустяках, будто на балу. У нас дома на Пасху

много народу бывает, маменька тогда бедным всем кулички раздаёт и каждому яичко. А детям пряник. Этот Воронков всегда тоже там толкается. Как-то женщина подошла, молодая, такая милая, и ребёночек у неё крохотный совсем. Маменька ей гостинец дала, а этот и говорит: «Приходи ближе к вечеру к моему дому, получишь больше!» И так противно усмешается. Женщина ушла, а маменька говорит: «Что Вы, князь, в самом деле, и праздник великий какой, а Вы всё своё!» А он смеётся и говорит: «С кухарки и в праздник не убудет!»

– Не боится, видно, Бога, князь ваш. Ладно, Варенька, пусть их живут, как хотят. Давай-ка спать пойдём, а наутро встанем пораньше, да и отправимся.

Варенька расцеловала Елену Николаевну в обе щёки и, пожелав спокойной ночи, выскользнула из комнаты.

Елена Николаевна уснула не сразу, много мыслей требовало своего места и решения. Но, наконец, они отступили перед законным хозяином ночного времени – сном. А утро настало ясное, светлое. Солнце озарило всё кругом ровным весёлым светом, так что нигде лишней тени не было. Всем поровну, всем по справедливости. «Вот так солнце светит равно и добрым людям, и дурным. Надобно и нам как-то с ними рядом мириться» – думала Елена Николаевна.

* * *

Маленькая старинная церковка, в которую пришли они с Варей, была белая и чистая, и вся уставлена букетами свежих веток яблони, сирени и цветов. Две старушки хлопотали в свечной лавке, старый дьячок вполголоса читал. Трое прихожан, должно быть, семья, подходили к иконам и расставляли свечи. Муж, жена и девочка лет десяти. Ставя поблизости свечу, Елена Николаевна услышала, как мужчина говорил своей жене, держа её за руку:

– Вот, Машенька, помнишь, как мы с тобой пришли сюда когда-то? Ты такая красавица, таких невест я не видел.

– Двенадцать лет, Фёдор Иванович, двенадцать лет...

– А я бы с тобой, душа моя, снова и снова венчался!

Он потянулся губами и нежно поцеловал жену в висок. Она смущённо прошептала:

– Ну, что ты, Федя, в храме-то...

Елена Николаевна поспешила отойти дальше и, расставив все купленные свечи, стала подле окошка. Варенька шептала молитвы возле иконы Святой Варвары. Елена Николаевна подумала о девушке, о её страхах и опасениях, и от всего сердца пожелала ей счастья. Мысли о счастье увлекли её, она стала думать о себе самой. Эта пара с их тёплыми словами и воспоминаниями всколыхнула в ней все переживания и чаяния, которых она старалась не замечать в себе, чтобы не расходовать силы, нужные на более важные, как она считала, дела. Но вот расклеилась! Уже и слёзы закапали сами собой.

«Господи, как хорошо так жить! Как бы и я желала вот так венчаться в тихой церковке с хорошим человеком, и после так же нежно помнить об этом всю жизнь!»

Когда Елена Николаевна выходила замуж в первый раз, венчание запомнилось ей меньше, чем сами хлопоты перед свадьбой, званый обед и ужин, веселье и радостное трепыхание вокруг. Оттого ли, что была она тогда молода? Или оттого, что в тот раз она только переходила из одного счастья в другое; из беззаботной, радостной юности к благополучной и доброй семейной жизни?

Теперь же было всё иначе. Она одинокая, не очень уже юная женщина, лишённая какой бы то ни было поддержки в жизни, давно не слышавшая нежных и тёплых слов. Вот так, на ушко, как эти двое, благодарные Богу и жизни, и счастливые.

Елена Николаевна чуть вздрогнула от неожиданного движения возле себя. Рядом прошёл какой-то господин в тёмном костюме, держа на согнутом локте лёгкий плащ и в руке шляпу. Должно быть, какое-то время он стоял у неё за спиной, возле Николая Угодника. Идя назад,

к выходу, поравнявшись с Еленой Николаевной, он поклонился ей, как знакомой. Она поклонилась в ответ, но, видимо, на лице её было недоумение.

– Лихой Георгий Иванович. Мы были представлены у графа С. А Вы – Елена Николаевна Долинина, верно? Гостя моего друга, графа.

– Добрый день. Простите, запамятовала. Было так много гостей...

– Это ничего, мы ведь только один раз виделись, но не беседовали. Простите меня за вторжение в таком месте.

– Ничего, я уже собиралась уходить.

Елена Николаевна и в самом деле хотела выйти на свежий воздух, чтобы успокоиться и обветрить заплаканное лицо.

– Простите, я несколько не в форме. На меня церковь всегда так действует... Здесь что-то особенно щемящее.

– Это хорошо, что так действует. Душа чистится, значит, душа не коснеет в своей греховности, а все мы грешны. Этот храм очень благодатный.

– Да, нам с Варенькой тоже очень здесь нравится.

– Варвара Павловна здесь? А я и не заметил. Как-то сразу увидел Вас и...

Он развёл руками, словно желая показать некую беспомощность. Но глаза его не были беспомощны. Он смотрел на Елену Николаевну так, будто знал наизусть весь диалог, который должен между ними произойти. Вообще, у неё сложилось странное впечатление какой-то определённости, чего-то состоявшегося.

«Бог знает, что находит на меня! Дурочка я». Она стала смотреть на дверь и сказала:

– Может быть, выйдем во двор? Я Вареньку там подожду.

Спускаясь по ступеням, Елена Николаевна подумала о том, какая странная фамилия у этого человека, такого порядочного и галантного на вид. Правда, в глазах есть что-то такое... как будто это не его глаза, какие-то отдельные, ему не очень подходящие.

Как говорил её покойный отец, с шальницей глаза. А сам такой степенный.

– Вы, Елена Николаевна, как сюда добирались? Может быть, позвольте предложить Вам экипаж?

– Мы с Варенькой пешком прогулялись – такое утро славное нынче.

Варя вышла из церкви и, подходя к ним, улыбнулась и поздоровалась с Георгием Ивановичем. Он приветствовал её.

– Здравствуй, Варвара Павловна. Собирался навестить сегодня Вашего батюшку, да не мог не заехать в храм. А тут знакомые дамы. Может быть, по случаю хорошей погоды прокатимся по набережной?

Дамы согласились, и все трое уселись в экипаж кавалера и неспешно покатали по солнечным улицам столицы.

Позднее, за чаем у графов С. была приятная непринуждённая беседа. Елена Николаевна чувствовала себя так легко, все недавние тени как-то развеялись. И Варя, кажется, тоже чуть повеселела. После застолья они с Еленой Николаевной пошли в её комнату пошептаться. Хозяин отправился проводить Лихого до передней, как вдруг там раздался звонок и затем резкий голос:

– А-а, господа, гость в двери – гость из дверей! Вернитесь-ка, голубчики, повторим!

– И Вам, добрый день, князь. Благодарю, я уже загостился. Вынужден откланяться. Дамы ушли отдыхать, а хозяин в Вашем распоряжении.

– Ничего, ничего, дамы – дело поправимое. Отдохнут да и придут. Не всякий день в доме приятные кавалеры.

– Я вижу, князь, Вы держите слово.

– Всегда —с!

После этого Георгий Иванович вышел, а Воронков, фамильярно подхватив под руку графа, увлёк его в гостиную.

– Ну, для старого друга, я думаю, найдётся у тебя чего-нибудь поинтереснее чая.

– Ах, князюшка, князюшка! Ты всё гусарствуешь, с утра – и поинтереснее. Ну да ладно, для милого дружка – и серёжку из ушка.

– Да я, друг ты мой, и сам Серёжка. А вот скажи ты мне, что за персик ты себе достал, а? Такая, миль пардон, славная бабочка!

– Сам ты, Серж, мотылёк неуёмный. Всё не напорхаешься, – говорил граф, наливая Воронкову коньяк. – Эта, брат, картина не про тебя писана.

– Что ж, уже и заказчик есть?

– Есть, но тебе не скажу. Уж не сердчай. Ты знаешь мой принцип – не говори «гоп», покуда не перепрыгнешь!

– Ну и чёрт с тобой, – Серж опрокинул коньяк и хлопнулся в кресло. – Всё равно всё узнаю. Ну, тогда давай зайдём с другой стороны, у тебя ведь ещё одна барышня свободная имеется.

При этих словах Воронкова граф нахмурился. Чуть помолчав, он осторожно начал:

– Князь, мою дружбу к тебе ты знаешь. Но Варя, всё-таки, моя дочь, не забывай этого. Твоя жена ещё не покинула этот свет. Я не хочу, чтобы имя моей дочери было опорочено этими тёмными пересудами. Пусть всё идёт своим чередом.

– Ну, пусть. Как хочешь, миль пардон, как хочешь. А я тут наемни был у Тарусовых. Есть блестящая возможность устроить твоего Петьку в хорошее место. Надо заплатить там какую-то малость, тысяч шесть, что ли. Ну да пустяк. Вот тебе чек. Сейчас можешь заказывать Петьке мундир.

Граф стоял спиной к Воронкову, чтобы тот не видел его насупленных седых бровей. Подлец Серж отлично знал, что младший граф С. нуждается в хорошем месте, что проиграл большую сумму денег, что отношения его с отцом оставляют желать лучшего.

– Князь, если дочери моей понравится Ваша милость, так тому и быть. Через год, как если Вы овдовеете. При живом ещё человеке не стану я грех на душу брать.

– Ладно, ладно. Вижу – не в духе ты нынче. Время терпит. А чек возьми, чего там. Петьку твоего видел нынче на Невском – кутит со студентами, всех проходящих барышень поздравляют со Святыми днями. То бишь, лобзуют страстно и прилюдно. Городового послал куда подальше, крича, что он граф С.

Варя и Елена Николаевна стояли, почти не дыша, прижавшись к стене, не в силах не слушать эти ужасные разговоры, не в силах пошевелинуться. Когда с грохотом закрылась входная парадная дверь, и граф, сгорбившись, прошёл тихо в свой кабинет на первом этаже, женщины, наконец, отлепились от своего укромного убежища и вбежали в комнату.

Упав на диван, держась за руки и взволнованно дыша, они смотрели друг на друга одинаково безумными глазами. Елена Николаевна первая подала признаки жизни:

– Варя, что это, мы с тобой подслушивали?

– Елена Николаевна, что было бы, если б мы не услышали этого? – Варенька разрыдалась, упав лицом в плечо Елены Николаевны. – Мне страшно, страшно!

– Варя, Варя, девочка моя, не бойся, мы всё знаем и ничего плохого не допустим. Ты ведь слышала, папенька твой не даст обидеть тебя.

– А через год как же? Ведь он сказал: через год!

– Этот человек настоящее чудовище! У него есть жена, которой сейчас нужна его забота и внимание. Как они могут хоронить живого человека?! Но даже если бы это так случилось, год, Варенька – это целая жизнь! Сколько может всего произойти за год!

– Он хочет дать отцу денег наперёд, чтобы наверняка тот сдержал обещание.

– Варенька, давай постараемся успокоиться. Тебе надо уснуть, детка. Я уверена, всё дурное развеется. Разве весь мир во власти этого человека?

– Не весь. Только мы с Вами. Елена Николаевна, они ведь и про Вас говорили.

– Отчего ты думаешь, что про меня?

– Да уж знаю. Он ведь раз цеплялся к Вам, а чего ему вздумается, так он не отцепится.

Елена Николаевна вспомнила другой мужской разговор, тогда, за окном. Сомнений в том, что говорили о ней, у неё теперь не осталось. Но она сказала:

– Нет, Варенька, это очень легкомысленный человек. Я думаю, он уже занят кем-нибудь другим. Пойди, приляг. Не думай о дурном. Бог нас не оставит.

Давая Вареньке такие успокоительные советы, она не могла и сама поступить столь же благоразумно – просто взять и перестать думать обо всём. Мысли о гадких разговорах и возне вокруг неё, как осы, вились и жалили, и мучили, и не давали ни мгновения покоя.

В конце концов, Елена Николаевна решила, что завтра же уедет домой. Предлог для оправдания самый простой – у неё дети остались дома. Вот только тут, вкупе с прочими тревожными мыслями мелькнула и та, что дети остались дома на попечении Глаши, а няня для чего-то выпросилась ехать с барынею. Но эта малозначащая странность тут же выскользнула из ума прочь. Главные страхи и тревоги заняли своё властное место в её сознании.

Впрочем, и Вареньке слова утешения мало помогли. Девушку трясло, как в лихорадке. Перед нею то и дело возникало и, ухмыляясь, кружило перед взором лицо Воронкова. Он кривился своею наглой усмешкой и говорил, протягивая руки к Вареньке: «Через год, миль пардон, через год! Тебе чек, а Петьке мундир!» Варенька открыла окно и прислонилась виском к прохладному косяку. Изо всех сил она старалась успокоить себя, но аргументов для этого ей не хватало. Кто, чья сильная и мудрая помощь может оградить её от беды и тем успокоить её тревоги? Никто из родителей не сделает этого. Никого из близких у неё больше нет. Елена Николаевна сама и без того в трудном положении. У неё детки, ни денег, ни помощи, ни опоры нет. Увези она Вареньку к себе, та будет для неё лишней обузой. Станут они обе работать, да много ли заработают? А папенька употребит все свои силы и связи, чтобы сломить дочь, вернуть её в нужное ему русло, где он сможет пристроить её подороже.

Внезапно какой-то предмет прошумел над самым её ухом, влетев с улицы, и упал на пол. Варенька подняла с пола смятый листок бумаги, в который был завернут персик. На листке небрежно было нацарапано: «Спокойной ночи, мой персик!» В ту же минуту за окном раздавалось пьяное ржание двух или трёх глоток и возглас: «Миль пардон, господа, представление окончено! Оревуар».

Тошнота подступила к горлу Вареньки, она судорожно вздохнула и потеряла сознание. Утро застало девушку на ковре посреди её спальни. Горничная бегала вокруг и причитала, призывая на помощь всех домочадцев и брызгая на барышню водой из кувшина. Варенька с ужасом увидела, как служанка убирает к себе в передник вчерашнее послание. Персика же нигде не было видно. Варенька не помнила, что говорила отцу, весь дальнейший день она провела в самом глухом уголке дома – в комнате старой няни, куда любила забираться тайком.

Комнатка оставалась пустой и бездейственной. В ней то сушили яблоки и грибы, то хранили старые вещи, о которых барыня, Варенькина мать, говорила прислуге: «Оставьте пока где-нибудь, я потом посмотрю, что с этим делать». Под «где-нибудь» и подразумевалась комната няни. Варенька мысленно беседовала со старым другом няней, жаловалась ей на свои беды, иногда просто дремала. Так продолжалось, пока, наконец, перепуганная Елена Николаевна не нашла её и не увела в свою комнату. Впрочем, вскоре туда явилась господская горничная, и сообщила, что приехал доктор и Вареньке нужно идти к себе.

Осмотр доктора едва опять не лишил девушку сознания, тем более что перед этим отец устроил ей настоящий допрос с пристрастием, от кого, мол, негодница, получаешь любовные послания. После этого Вареньке с маменькой было приказано немедленно отправляться

в деревню, в имение. С трудом удалось вымолить разрешение съездить с Еленой Николаевной в церковь. Под присмотром всё той же маменьки. «Я, Варя, вас тут подожду. Смотрите, недолго» – сказала графиня С., удобней устраиваясь в экипаже. Она никогда не утруждала себя лишним визитом в дом Всевышнего, если того не требовали её светские обязанности.

Едва Елена Николаевна и Варенька остались одни, они, не сговариваясь, побежали на другую сторону церковного двора, где в прохладной тени лип стояли две скамеечки. Сперва, бросившись в объятия друг друга, они плакали, без слов, без звука, содрогаясь и глядя друг друга по спине. Иного утешения они не могли найти, ни одна из них не была в более выигрышном положении, чтобы помочь другой. Наконец, поплавав, они заговорили. Елена Николаевна выслушав рассказ Вареньки о персиках, подтвердила её предположение о том, что горничная передала графу С. проклятую записку. Из всей этой истории сделали столь громкий семейный скандал, что он ни для кого не остался тайной. Ясно было, чья мерзкая рука отправила это гнусное послание. Хочет выставить девушку в дурном свете, чтобы отец поскорее захотел сбить её с рук. В свою очередь женщина рассказала Варю о событиях, прошедших мимо той.

– Это ужасно, Варенька, но я снова подслушивала разговоры вашего папеньки с его визитёром, и на этот раз намеренно. Я сейчас же исповедаюсь об этом, но, кто знает, может быть, сам Господь хотел, чтобы я это услышала. Мне не хочется, дорогая моя, огорчать тебя ещё более, да, видно, придётся. Ведь и тебя, к сожалению, всё это касается.

Пришёл вчера к графу человек. Видно, что богат, не молод, солиден. Какое-то время они пробыли в кабинете графа, затем зовёт меня к ним горничная. Граф представил меня и этого человека друг другу, а меня особенно отрекомендовал. Мол, дочь старинного друга, вдова, а что молода и хороша – сами видите. При этих словах его, от волнения, я и позабыла, как имя того господина. Предложили выпить с ними чаю. Я скоро отказалась, сказав, что плохо себя чувствую, что, впрочем, было правдой. Выйдя из той комнаты, я не могла заставить себя уйти совсем к себе. Чувствовала, что затевается что-то невообразимое. Да и история с запиской твоей, Варенька, испугала меня и убедила, что что-то вокруг не то. Я нарочно притворила дверь не плотно. Горничную они не позвали, ведь думали, что я задержусь долее.

Только я вышла, начали они спорить о каких-то деньгах. Графу хотелось взять больше, а тот, другой, не хотел дать. Наконец, сказали они такое, что всё прояснило, а меня повергло в такой ужас, что я кинулась бегом к себе.

Гость говорит: «Ведь Вы мне обещали девицу, а эта вдовушка. Да, как видно, ещё и с характерцем. Удастся ли дело?» А граф и отвечает: «Что вдовушка, так то ещё лучше. Деваться-то ей некуда, против денег не устоит. Нет у неё ничего. Впрочем, смотри сам. На неё уж Воронков виды имеет». «Так ведь Воронков уже всей столице рассказывает, что ты отдаёшь ему дочь свою» – говорит снова тот. «Так то ещё через год, – говорит граф, – а год-то ему надо чем-нибудь заниматься. Смотри, вздумаешь – так в эту субботу у меня приём. Действуй».

Тут уж, Варенька, я не могла терпеть долее и опрометью бросилась в свою комнату.

А у тебя нынче все эти персики, да записки, да доктор. И ты пропала, нигде тебя сыскать не могла, пока уж не пошла подряд по всем комнатам. Думала, увезли они тебя куда-нибудь.

– Так и увозят вот, – отвечала Варенька, – завтра же, в имение маменькиных родителей. Я Вам буду писать каждый день в Москву.

– Может, так и лучше, птичка моя. Спрячешься там, а дальше, глядишь – что-нибудь переменится.

Обнявшись ещё раз и утерев слёзы, они пошли в храм. При входе встретился им опять Георгий Иванович. Варенька вся была погружена в свои мысли, кивнула Лихому и прошла. Елена Николаевна свои чувства от этой встречи много потом обдумывала.

Обычное дело: человек, видно, тоже любил эту церковь. Вполне просто, что он бывает там. Но отчего-то у неё возникло странное чувство определённости, как будто это так должно

было быть, как будто ожидалось. Впрочем, любое чувство наше трудно определить словами. Всё будет не точно. Как бы то ни было, Елена Николаевна почти обрадовалась встрече с Лихим.

Георгий Иванович опять дождался женщину, и она снова согласилась прокатиться. Варенька поехала с матерью домой. Елена Николаевна и Лихой какое-то время молчали. Никогда прежде она не замечала в себе, что разглядывает оценивающе внешность мужчины. Она ловила себя на мысли о том, что у него красивые, шальные, соблазнительные глаза, что ей нравится, как он смотрит на неё, что у него красивые губы, которые не портятся густой тёмной бородкой и усами и не прячутся в них. Ей казалось, что и он смотрит на неё оценивающе и одобрительно.

Потом, словно опомнившись, она ужасалась своим мыслям, называла их гнусными, удивлялась, как могли они прийти к ней, женщине, совершенно далёкой от всего приземлённого, но, в то же время, здравомыслящей. В конце концов, она сделала один, единственно подходящий здесь вывод: она влюблена! Эта мысль потрясла её ещё больше! При её характере, в её возрасте, в теперешней ситуации, после таких разговоров, от которых само понятие «мужчина» вызывает в ней неприязнь, при её заботах – осиротевшие дети, безденежный дом – она позволяет себе подобное легкомыслие.

Но от этого-то легкомыслия ей становится легче, радостнее. И от того, что это всё лишено какой-либо логики, ей делается озорно, молодо и беззаботно. И это притом, что собеседник её не очень молод, и, кроме губ и глаз, ничего озорного в нём нет. Или она просто одурела от своих забот, одиночества, пошлых нападок, что хватается за какие-то мифические образы? Никто из её знакомых, даже молодых, красивых и ярких людей, не вызывал у неё интереса, с тех пор, как умер муж. Ни новые знакомые, ни воспоминания о Неволине, не разбудили её сонного царства, погружённого в дым забот.

Нет, не в человека она влюблена, но в саму возможность любви, в предчувствие волнующих перемен, в приоткрывшуюся дверцу, ведущую из унылого одиночества в перспективу радости и уюта. Ну и пусть, пусть!

Между тем, они выехали в какой-то дальний район города, и Георгий Иванович велел вознице остановиться. Он всю дорогу вёл рассказ о Петербурге, о тех местах, которые они проезжали. Елена Николаевна просто диву давалась, сколько он знает всего! Беседа его не была ни пошлым флиртом, ни скучной обывательской трескотнёй. Голос уводил в увлекательную историю города, а глаза призывали в чувственный мир без всяких нарочитых ужимок, свойственных иным мужчинам.

«Совсем ты, матушка, одичала в своей Москве!» – сказала она себе. Она могла ещё сколько угодно изводить себя размышлениями и рассуждениями, но спутник привлёк её внимание, сказав:

– Вот, Елена Николаевна, мой дом. Буду рад пригласить Вас как-нибудь к обеду. Теперь у меня ремонт кое-какой затеян, но после – почту за честь.

Слева от них стоял великолепный двухэтажный особняк, выкрашенный в нежно-розовый цвет, с белыми колоннами, увитыми зеленью балконами, и уходящим вглубь двора свежим ухоженным садом. Елена Николаевна с видимым удовольствием разглядывала дом, и это, кажется, не укрылось от собеседника. Напротив, через дорогу, располагался также двухэтажный дом, деревянный, почерневший от времени. «Какой контраст, – подумала Елена Николаевна, – живут же и здесь люди». Впрочем, тронулся экипаж, и комментарии к увиденному не последовало ни с той, ни с другой стороны.

Георгий Иванович молчал, давая спутнице возможность продумать те мысли, которые ей пришли, а она сидела, чуть опустив голову, действительно задумавшись.

Внезапно какой-то резкий свистящий звук вывел Елену Николаевну из её минутной задумчивости. Она взглянула на Лихого, успев поймать мгновение растерянности на его лице. Он тут же постарался придать своему лицу непринуждённое выражение, хотя подобрать слова

ему оказалось непросто. В деревянной планке дверцы открытого экипажа торчал крепко вонзившийся в неё крупный нож. Лихой с усилием вытащил его и рассматривал, в то же время исподлобья поглядывая куда-то поверх плеча Елены Николаевны. Женщина невольно оглянулась, и на противоположной стороне улицы увидела одинокую фигуру человека, одетого в тёмную накидку и быстро удаляющегося прочь. Пару раз человек обернулся, и даже на расстоянии было видно, как он ухмыляется.

Елена Николаевна посмотрела на своего кавалера, но её молчаливый вопрос, казалось, ещё более смутил его.

– Должно быть, какой-то сумасшедший... Не пугайтесь, я провожу Вас и сообщу об этом случае жандармам. Они всё выяснят.

Женщина изо всех сил постаралась успокоиться, призывая на помощь и слова своего спутника, и весь здравый смысл, но её пульс долго ещё не мог прийти в норму. Кроме испуга, она испытывала и изрядную досаду от того, что выходка каких-то мерзавцев испортила ей настроение от приятного общения.

Лихой проводил Елену Николаевну до дома, осведомившись прежде о том, сколько времени она собирается пробыть в столице. Она ответила неопределённо: «Некоторое время. Вероятно, не очень долго». На самом деле, она собиралась уехать тотчас же по отъезде Вареньки, а девушку увозили завтра утром. Но прогулки с новым знакомым склонили Елену Николаевну к мысли задержаться.

Вечером Георгий Иванович пришёл с визитом к графу С. За ужином он ни разу не обратился с разговором прямо к ней, но часто и выразительно смотрел на неё. Она отвечала ему тем же, ожидая, что, прощаясь, он заговорит о чём-нибудь. Но Лихой почтительно поцеловал её ручку, и спросил, не согласится ли она проехаться с ним опять по городу. Разумеется, она согласилась. Но прежде задала вопрос на счёт утреннего инцидента. Он сказал, что это сумасшедший студент, которого уже поймали.

Наутро, тепло и печально попрощавшись с Варенькой, дав обещание писать ей, Елена Николаевна отправилась на условленную прогулку. Лихой заехал за ней прямо к дому графа, и они покатали. Георгий Иванович был сосредоточен и предупредителен. Проехав какое-то время по городу, они остановились возле небольшого скверика и стали прогуливаться по тропинкам, пока не присели на неприметную скамеечку. Всё это очень похоже было на свидание двух влюблённых, что немного смущало и веселило Елену Николаевну. У неё прежде не было таких свиданий. И с мужем, и с Неволиным, она познакомилась в собственном доме. От Лихого, впрочем, веяло абсолютной добропорядочностью и приличием.

Георгий Иванович заговорил, и речь его изумила собеседницу совершенной неожиданностью темы, очевидной продуманностью и неподобающим случаем лаконизмом.

– Елена Николаевна, я вдовец, у меня взрослый сын, который уже женат. Но жить одному грешно и скучно. Я не настолько молод, чтобы оставаться на попечении матушки, и не настолько стар, чтобы ввериться сиделке. Мне сорок девять лет. Я решил вновь создать семью и обратился к своему старому знакомому, графу С., нет ли у него каких-нибудь рекомендаций. Собственно, он не успел ещё мне их дать, я увидел Вас у них на приёме. Словом, Елена Николаевна, мы с Вами должны обвенчаться.

Удивление её было таково, что она даже чуть приоткрыла рот, прежде чем собралась с ответом. Пытаясь осторожно подобрать слова, но так и не найдя более точных, она просто сказала:

– Георгий Иванович, ведь мы с Вами видимся всего в третий раз...

– Нужды нет, хоть и в третий. Я о Вас знаю всё, что мне нужно. Вы вдова, Вам тридцать два, у Вас двое детей. Елена Николаевна, подумайте, и через три дня дайте Ваш ответ.

Он встал, подал ей руку, давая понять, что разговор закончен. Она рассеянно взяла его под руку, и они молча пошли из парка. Мысли заплясали в голове у Елены Николаевны, одна

безпокойнее другой. Почему он решает один, когда закончить разговор, и сколько дней она должна думать? Почему он о ней всё знает? Почему решил, что ей можно вот так, на лавочке, сделать предложение на всю жизнь? Неужели она дала повод? Ох, ну, разумеется, повод есть. Разъезжает и разгуливает с ним наедине, и ещё удивляется! Шагая рядом с Лихим, она потихоньку, искоса взглядывала на него. Лицо у него было серьёзное и взволнованное. Помогая ей сесть в экипаж, он взял её руку, нежно пожал и посмотрел в глаза своим шальным, сдобренным маслом, взглядом.

– Хорошенько подумайте, мы должны венчаться. Я грешу, глядя на Вас.

Эта фраза потом предстанет ей совсем в другом свете. Сейчас же ей слышалось лишь кокетство, попытка выглядеть соблазнительным у человека, который хочет уже считать себя женихом.

Вернувшись с прогулки, Елена Николаевна прошла в свою комнату. Попросив себе чаю, она переделалась в домашнее и забралась с ногами в глубокое кресло. Обхватив руками колени, она замерла в своём убежище и принялась думать. Так, бывало, сидела она в комнате у маменьки, куда приходили и Глаша, и нянюшка, и слушала их неторопливую безмятежную беседу. Теперь не было с нею ни маменьки, ни старой няни, и Глаша далеко. А подумать есть о чём.

Так странно и удивительно было то, что произошло на прогулке, и раньше, с самого её прибытия в Петербург. Она поехала развлечься – нечего сказать, развлеклась! Столько людей и событий! Ярких и волнующих – столичный свет, приёмы, увлекательные прогулки, дружба милой Вареньки. Отвратительных и пугающих – ужасные разговоры на приёме, Воронков и его сделки с графом С., Варенькины беды, брошенные ножи.

И всё это время она отчаянно тосковала о своих детях. Ей надо бы поскорее ехать домой, прочь от столичного водоворота, смешавшего в своём потоке и бриллиантовый блеск, и уличную грязь.

Ей хотелось поскорее обнять Митю и Танюшку и поговорить с Глашей. Вот как стало в её жизни, что горничная – единственный близкий человек, с кем может она говорить по душам, у кого возможно спросить совета. А совет ей теперь ох как нужен!

Для чего появился подле неё этот человек, Георгий Иванович Лихой? Отчего ум её то удивляется и сторожится этого, странно поспешного, предложения, то говорит, что всё замечательно, что так и должно было сложиться? А на сердце какое-то волнительное предчувствие, но она никак не может распознать – доброе или худое. Надо попробовать разгадать его, поискать каких-нибудь аргументов в ту или иную сторону. Елена Николаевна помнила, как стояла в том храме, плакала и молилась, глядя на счастливую пару. И вот, в том же храме, в тот же час она встречает того, кто предлагает составить пару ей. Ну не это ли Божий Промысел, скоро споспешествовавший её чаяниям?

Нет, не случайна эта встреча! Что значит в этом мире небогатая вдовушка с двумя детьми, на кого опереться ей, что сулит ей будущее? В её голове мелькало случайно зарифмованное «вы вдова, вам тридцать два», как довод и ответ на вопросы. От мысли, что она снова будет замужем, волна радости омывала её. У неё будет защита, у детей отец. Он оградит её от нужды, одиночества и пошлых посягательств. И верует, кажется. Много ли таких теперь? Кроме того, Георгий Иванович нравился ей. Она видела в своём воображении, как они вдвоём входят в розовый дом с белыми колоннами, а следом Глаша ведёт за руки смеющихся Таню и Митю.

И тут же иные доводы разума, как воины с мечами и в шлемах, строгие, вставали перед нею и разили каждый своим ударом:

– Ты видела этого человека всего три раза в жизни!

– Он старше тебя чуть не на два десятка лет!

– Ты боишься собственной тени! Уезжай в Москву, и всё уладится.

«Это так, – отвечала она грозным противникам, – но он порядочный человек. Кроме того, он знает о негодяе Воронкове и спешит помочь мне. Я чувствую, что готова и хочу выйти замуж!» Елена Николаевна улыбнулась, вспомнив слова своего кавалера о том, что он грешит, глядя на неё. Странная фраза забавляла её, представляясь озорством ухаживающего мужчины. Всё же, хотелось бы ей спросить у кого-нибудь совета.

«Что ж, – вздохнула Елена Николаевна, – зато и бранить меня некому. Ни отца, ни матушки, сама себе хозяйка, вольна в своих поступках». В какой-то момент она задумалась о дружбе Лихого с графом С. Прежде, пока она не знала о непорядочности графа, это казалось обычным делом. Но, узнав, с какими личностями водится граф и какие ведёт с ними беседы, она пыталась понять, что же связывает с графом её нового знакомого?

В конце концов, видения радужных перспектив затмили в её душе все сомнения.

Уходя вечером от графов С., Георгий Иванович постарался на минуту остаться наедине с нею. Ни словом не напомнил он ни о давешней прогулке, ни о теме их разговора, но взгляд говорил за него. Елена Николаевна не без удовольствия протянула ему руку и улыбнулась.

Через три дня она дала согласие Лихому выйти за него замуж. Разумеется, это произошло на прогулке, что ничуть не удивило её. Напротив, ей казалось, что они, как бы в юности, встречаются в парке, тайком от родителей. Это было необыкновенно романтично.

На следующий же день они поехали в «свой» храм, который стал для Елены Николаевны родным, чтобы взять у батюшки благословение и договориться о венчании. Взяв благословение, поставив свечи и приложившись к образам, Елена Николаевна вышла во дворик ждать своего жениха. Присев на скамеечку, она принялась мысленно планировать предстоящие приятные хлопоты. В её сознании выстраивались строчки письма Вареньке. Как обрадуется добрая девушка её счастью! И уж конечно, Георгий Иванович убедит графа С. быть помягче с дочерью и избавить её от злой участи.

Елена Николаевна смотрела на траву у своих ног, и лёгкая улыбка блуждала на её мечтательном лице. Вдруг её взгляд остановился на чём-то тёмном поблизости от неё. Она подняла голову и увидела прямо перед собой фигуру в тёмном плаще с капюшоном. Елена Николаевна вскрикнула и заслонила рукой лицо. Человек громко расхохотался, запрокинув голову. Капюшон сполз с головы незнакомца, обнажив сверкающий лысый череп. Мужчина, продолжая ухмыляться и бормоча что-то непонятное, стал быстро удаляться и скрылся за воротами ограды.

Тотчас же подбежал Лихой и, взяв Елену Николаевну за руки, безпокоенно спрашивал её:

– Он ничего Вам не сделал? Он что-нибудь сказал?

– Нет, нет, я только очень испугалась. Он такой странный и страшный, и очень нахально смеётся.

Лихой нахмурился и, глядя исподлобья на ворота, в которых только что скрылся странный незнакомец, жёстко сказал:

– Много стали себе позволять, даже в храме нет покоя от них! Да. Много смелости забрали, много.

Елена Николаевна, изумлённо глядя на своего спутника, схватила его за руку:

– Ради Бога, Георгий Иванович, скажите, что всё это значит?! Это один и тот же человек, или их много? Кто они такие, что им от нас нужно?

Голос её дрожал, она готова была расплакаться. Лихой стал успокаивать её, поцеловал ей ручку и сказал:

– Не переживайте, всё будет хорошо.

– Что будет хорошо? Что Вы знаете об этих людях?

– Забудьте, это просто сумасшедший. Идёмте в коляску.

Елена Николаевна высвободила руку из его ладони и подавленно произнесла:

– Простите меня, Георгий Иванович, я не решусь более ехать в открытом экипаже. Она вернулась в храм и стала дожидаться, пока Лихой найдёт карету.

Когда человек один и чего-то ждёт, а особенно, если это испуганная беззащитная женщина, чего только не приходит тогда в голову! Картины, одна фантастичнее другой, рисовались в воображении Елены Николаевны. Ей вдруг подумалось, что её запугивает Воронков, почувствовавший, что добыча уходит из его рук. И тут же накатило опасение за Вареньку. Как ни успокаивала она себя, что Варенька далеко и в безопасности, тревога за девушку не покидала её.

Всю дорогу Лихой держал её за руку и, прощаясь, всё уговаривал:

– Успокойтесь, ради Бога, успокойтесь. Неужели какие-то проходимцы помешают нашему счастью? Я сейчас же всё узнаю и всё улажу.

Напоследок он с нежностью прижал её руку к своей щеке и прошептал, глядя на неё своими обольстительными глазами:

– Голубка моя!

Эта дерзость не вызвала у неё ни малейшего протеста, но, напротив, рассеяла дурные предчувствия и вселила светлые мысли и надежды. «Он со мной рядом, любит меня и ждёт – не дожждётся, когда мы будем вместе. Он не даст мне пропасть». И, словно в подтверждение этих чаяний, Лихой заботливо помог ей выйти из кареты и, провожая до дома, говорил:

– Отдыхайте сегодня весь день, а вечером ждите от меня гонца.

Проходя в свою комнату, Елена Николаевна заметила, как из кабинета графа С. выскользнула какая-то женщина. Её окликнули, и она на бегу что-то ответила. Елена Николаевна узнала голос няни Раисы. В передней та женщина о чём-то перемолвилась с лакеем, и Елена Николаевна снова услышала голос и мельком увидела лицо говорившей. Это точно была няня.

Приехав вместе с барыней в Петербург, она отпросилась по делам и куда-то исчезла. И вот теперь появляется у С. Елена Николаевна окликнула её по имени, но та быстро шмыгнула за дверь. «Чудеса какие-то! Сначала эти фигуры в накидках. Теперь няня играет в прятки. Впрочем, она всегда была странной и неприятной особой. Бог с нею, пусть себе предаётся своим таинственным занятиям». Елена Николаевна постаралась выбросить из головы все эти причудливые явления и увлеклась приготовлением к венчанию.

Она написала письма Глаше и Вареньке. Девушку она успокаивала и обещала свою помощь, но отчего-то решила пока умолчать о предстоящем венчании, лишь сообщила, что задержится в Петербурге. А Глашу просила подождать ещё пару недель, пока она устроится у мужа и заберёт её и детей к себе.

Поскольку родителей и родных у Елены Николаевны не было, их роль взял на себя граф С. Вечером в его доме состоялся праздничный ужин, где было объявлено о предстоящем событии. Затем помолвленные вступали в трёх-дневный пост перед Причастием и венчанием, и в это время не виделись друг с другом.

После ужина Елена Николаевна обнаружила в своей комнате коробку с приколотой к ней запиской. Послание состояло из двух слов: «Моей голубке», а в коробке лежало изумительное платье нежно-розового цвета. Она тут же примерила его, и отражение её стройной фигуры в этом платье, и сияние глаз смотрящего на неё из зеркала лица придали ей радости, и она улыбнулась помогавшей ей горничной.

– Красавица Вы, барыня! – сказала та со вздохом.

– Отчего же ты так грустно вздыхаешь? Ты замужем?

– Замужем, барыня.

– Что ж, плохо?

– Хорошо. С добрым мужем хорошо.

– У тебя добрый?

– Ничего, грех жаловаться. В лакеях у здешних господ. Пойду я, барыня, кличут меня.

Елена Николаевна не велела убирать платье, а накинула его на спинку кресла и всё глядела на него, пока не заснула. Засыпая, она представляла себя в этом платье на ступенях дома с колоннами и думала, что розовое на розовом совершенно сольётся.

глава 4 лунный свет

В день венчания была чудесная погода, солнечно и безоблачно-тихо. Елена Николаевна сидела в экипаже с графом С. Тот любезно согласился держать венец Георгия Ивановича, и продолжал играть роль родственника невесты. Во дворе храма сидели и стояли с десятков нищих. Елена Николаевна одарила каждого. Одна из них, долговзая сутулая женщина лет двадцати пяти, с маленьким ребёнком на руках, буквально бросилась наперерез невесте.

– Добрая барынька, подайте убогим!

Елена Николаевна дала ей рубль.

– Возьми, милая, купи что-нибудь для маленького.

– Ой, спасибо, барынька! Будет Вам счастье по доброте Вашей!

Елена Николаевна не видела, как за её спиной нищенка кривлялась, швырнув рубль в кусты, но услышала голос графа, прикрикнувшего на неё:

– Пошла, пошла!

Георгий Иванович, в новеньком фраке, встретил невесту счастливой улыбкой и протянул букет огромных нежно-розовых хризантем. К ней подошла незнакомая женщина, прихожанка этого храма, которую Лихой попросил держать венец своей избранницы.

Из храма они ехали в той же карете, что и в прошлый раз, на прогулке, но убранной цветами. Елена Николаевна решила, что у мужа два выездных экипажа.

Едва дверца кареты закрылась за ними, муж привлёк её к себе и принялся покрывать её лицо и шею горячими поцелуями, приговаривая:

– Дорогая моя! Голубка моя!

Она едва не теряла сознание от почти забытых волнующих чувств, и лишь однажды смогла проговорить:

– Я буду называть Вас Жорж, хорошо?

– Тебя, тебя! – воскликнул он, пожирая её взглядом блестящих глаз. Она нежно улыбнулась ему и повторила:

– Тебя.

Экипаж остановился в уже знакомом переулке. Георгий Иванович задержался, о чём-то переговариваясь с кучером. Его жена, выйдя из кареты, обмахивалась веером и поправляла причёску. Она повернула раскрасневшееся лицо к окнам второго этажа дома с колоннами. Окна были открыты, и из них доносились голоса и фортепианная музыка. Кто-то играл «К Элизе». У Елены Николаевны закружилась голова, и она перестала смотреть вверх. «Должно быть, нас ждут гости. Хорошо, что в доме есть инструмент, буду играть вечерами для всей семьи».

Она, не спеша, пошла по ступеням и приостановилась, слегка оперевшись об одну из колонн. «Боже мой, как волнительно выходить замуж! Даже во второй раз». Голова ещё слегка кружилась. Женщина начала смотреть кругом, чтобы справиться с дурнотой. Взгляд её остановился на двери особняка. Она увидела рядом с дверью, на стене, вывеску, полузакрытую плющом: «Салон мадам Ришар». Елена Николаевна попятилась назад, всё ещё изумлённо глядя на вывеску.

– Боже мой, Боже мой! – шептала она.

Послышался новый шум голосов и взрыв смеха. Музыка больше не играла. Из дверей дома быстро вышел смеющийся мужчина. Увидев Елену Николаевну, он подбежал к ней и, подхватив под руку, спросил:

– Вам дурно, сударыня?

Она медленно покачала головой, вглядываясь в лицо мужчины. Она знала этого человека. Это был инженер Кутасов, друг Неволина. Она поняла, что мужчина тоже узнал её. Ничего ска-

зять друг другу они не успели. Появился Ли-хой и, бросив инженеру «Благодарю Вас, сударь», повёл Елену Николаевну через дорогу. Экипаж уезжал куда-то вдоль переулка. Должно быть, кучера отправили с поручением.

– Где же Ваш дом, Жорж?

– Да вот он, радость моя. Ведь я его тебе показывал.

Да, в самом деле, она видела этот старый двухэтажный дом из почерневших брёвен, с серыми окнами и облупившимися печными трубами. Значит, это здесь ей предстоит жить отныне! Да ещё в соседстве с салоном мадам...

Нет, она не будет больше паниковать! Цвет дома, как убеждаешься на опыте, ещё ничего не значит. Они обязательно оштукатурят и побелят его! Хозяйки нет, вот и некому подсказать. Она постаралась улыбнуться мужу и, взяв его под руку, пошла в дом. Мельком взглянув в сторону узкого тротуара, она заметила стоящего там и смотрящего на них инженера.

Супруги вошли в переднюю, где их встретили двое работников, по-видимому, лакеи, как решила Елена Николаевна. Надетые на них подобию ливрей были не по размеру, а на неприглядных к бритве лицах виднелись следы порезов. Мужички непрерывно кланялись и топтались на месте, пока хозяин не отослал их жестом руки.

Елена Николаевна осмотрела переднюю. Помещение представляло собой небольшую комнату, обитую досками, выкрашенными в голубой цвет. С двух сторон на стенах размещались светильники, и больше ничто не отвлекало взгляд в этой голубой коробке.

И влево, и вправо выходило по две двери, одна из которых вела в кухню, судя по доносившимся оттуда запахам. Другой запах – свежей краски – говорил о том, что здесь действительно недавно делали кое-какой ремонт. Прямо от входа располагалась лестница, ведущая во второй этаж, застеленная ковром.

Муж и жена направились к лестнице. Одна из дверей слева скрипнула, и Елена Николаевна успела заметить мелькнувшую в проёме голову в сером чепце. Голова, впрочем, тут же спряталась. Наверху, на лестнице, стояла пожилая женщина с караваем хлеба в руках. Низким глухим голосом она произнесла: «Милости просим». Елена Николаевна и Жорж подошли к ней и, поклонившись, надломили хлеб. Знакомый неприятный запах повеял на них, и лицо старухи как будто также что-то напомнило Елене Николаевне. Она вспомнила: эту даму она встретила тогда у графа С. на первом приёме, когда услышала разговор мужчин под окном.

В небольшой зале был накрыт стол на пять персон, за которым уже сидел развязного вида мужчина лет сорока, и ещё одна старуха.

– Моя матушка Агриппина Яковлевна, моя тётушка Федосья Яковлевна, мой брат Яков Иванович, – представил Жорж. Елена Николаевна поклонилась второй старухе, а братец поцеловал невестку руку. Все уселись за стол.

Елене Николаевне пришла смешная мысль, что она будет окружена стадом «яков». Чтобы скрыть усмешку, она повернулась к мужу, как бы адресуя улыбку ему, и принялась потихоньку рассматривать залу. Дешёвая, но освежённая обстановка – обои, шторы, пара кресел, в углу две огромные иконы с мерцающей перед ними лампадой.

Когда вялотекущий обед подошёл к концу, старухи спустились в первый этаж, а Яков Иванович нырнул в какой-то кабинетик. Супруг схватил свою голубку за руку и куда-то потащил. Всё время обеда он почти не глядел на неё, что она приписала скромности перед родственниками. Теперешний нетерпеливый жест, конечно же, родился от обуревавшей его страсти, несмотря на очевидную грубость. Женщина даже пролепетала что-то кокетливое в ответ.

Лихой привёл её в комнату, свежевыбеленную известью с розовым колером. Всё убранство её составляли широкая кровать из тёмно-коричневого дерева, старый комод и пара стульев. Елена Николаевна обернулась к мужу, и выражение его лица изумило её. Он насильно усадил её на стул и холодно и жёстко произнёс:

– Я завтра же отправлю Вас в Москву! Ваши вещи сейчас привезут от графа.

Она смотрела на него широко раскрытыми глазами. Непонимание, крайнее удивление и ужас были на её лице. Первая осознанная мысль, которая пришла ей в голову, была о том, что её муж сумасшедший. Это какая-то организация сумасшедших, и они зачем-то преследуют её. Она взглянула на комод: там, должно быть, лежит накидка с капюшоном. Они заманили её сюда, чтобы убить!

Но ведь его все знают, и ему доверяют. Дрожащими губами она пыталась что-то сказать и, наконец, сдавленно спросила:

– Что Вы сказали?

– Поедете в Москву, сударыня! Вы не упали в ноги моей матери, не просили у неё благословения и не целовали ей руку.

Глаза Лихого потемнели, выражение их было страшно. Всё же, немного собравшись с силами, женщина произнесла:

– Когда я впервые выходила замуж, ничего подобного мне не приходилось делать, и никогда прежде я об этом не слышала. Родные нас благословили на помолвке.

– Значит, Ваш муж был негодным человеком!

– Это неправда! Вы не знаете...

– Я ничего не хочу знать о Вашем распутстве!

«Боже мой, о каком распутстве? Что происходит? Что с мужем? За кого и зачем я вышла замуж?!» Невыносимая боль, усиленная стыдом, досадой и отчаянием, рвала её на части. Как только Лихой вышел из комнаты, она заперла дверь и ничком бросилась на кровать, которая должна была стать её радостным брачным ложем. Громкие рыдания её, тонувшие в пышной подушке, были так сильны, что у неё заболело горло. Горький комок подступал и разрастался в глотке, физической болью распирая и терзая её. Она плакала очень долго. Когда измученное горло не могло больше исторгать рыданий, она тихонько выла, перевернув промокшую подушку сухой стороной к лицу. Опустошённая и раздавленная, она незаметно для себя уснула.

Проснувшись через какое-то время, она не сразу сообразила, где находится, и что с нею происходит. Ей, кажется, снился страшный сон.

В комнате царил темнота, чуть рассеиваемая растворённым в ней лунным светом. Елена Николаевна встала с постели и подошла к окну. Полный серебряный диск сверкал над крышами. Женщина обследовала окно и, обнаружив, что его можно открывать, отворила одну створку. Ночь зачаровывала мистикой полнолуния. Всё замерло под этим гипнозом, лишь где-то меланхолично цвиркал сверчок.

«Вот так бы сейчас встать на подоконник, отпустить руки и полететь вниз, раствориться в лунном свете! И запоёт свободная душа вместе со сверчком». Нет, нет! Она никогда не сделает этого. Богобоязненная душа её знает это. Как бы ни было больно, она не прервёт сама своей жизни, даже самой-самой горькой и безутешной. Горячие потоки сами собой покатались по её лицу, почти не прерываемые ни вздохом, ни всхлипом.

А ведь она чаяла с этого дня не вспоминать о том, как плакала когда-то, что слёзы останутся за порогом венчального действия. А вот – горечь, солёная горечь от того, что всё так плохо, и нельзя покончить с этим, не взяв греха на душу.

Жизнь её, данная Богом, нужна ещё её детям. Не станет она обречь их на полное сиротство. А что касается отдельной жизни с венчанным мужем, так ведь он сам отказывается от неё. Стало быть, и грех на нём. А ей не привыкать жить одинокой, такая, видно, ей судьба вышла. Поднимет с Божьей помощью детей, а там – хоть живи при внуках, хоть походи в монастырь.

Так её мысли приняли более стройный и практический лад. Как она построит свою дальнейшую жизнь в Москве, она представляла теперь довольно ясно. Кроме Глаши, никто не знает о венчании, а Глаша её не выдаст. Сама она станет давать уроки музыки и потихоньку выши-

вать на продажу, будто это горничная делает. А, может, ещё какую работу они придумают. Флигель надо будет сдать.

Хорошо, что всё раскрылось сразу и эту ночь она проводит одна, ведь мог быть ребёнок. Совсем бы ни к чему.

Елена Николаевна почти совсем успокоилась. Надобно было снять платье, лиф которого был влажным от слёз, но никаких других вещей при ней не было. Она зажгла лампу и осмотрелась. Чужая обстановка вызвала ещё большее желание оказаться где-нибудь подальше отсюда. Она посмотрела на себя в стоявшее на комодке зеркало. Бледное, заплаканное лицо, глаза с припухшими веками и расширенными зрачками, растрёпанные волосы. Хороша, нечего сказать!

Ничего, с этим она справится. Этот урок, она надеется, будет последним. Она вполне усвоила, что пора научиться рассчитывать на себя, а не ждать сильного плеча, которое в любой момент может оказаться ненадёжным. Мужчина может погибнуть, как отец, умереть, как первый муж, предать, как Неволин, оскорбить, как Воронков, сделать женщину разменной монетой, как граф С., просто жестоко обидеть и исковеркать жизнь, как Лихой.

Елена Николаевна нашла в углу на стуле кувшин с водой, таз и полотенце. Умывшись, она подошла к двери и прислушалась. Снаружи было тихо. Она осторожно приоткрыла дверь и выглянула – в коридоре никого не было. Дом спал. Она взяла лампу и двинулась в разведку.

Со стола в зале было убрано, из кабинетика доносились голоса. Подойдя ближе, она узнала мужа и его брата. Они были сильно пьяны и продолжали пить ещё. Яков всё повторял:

– Дурак, как есть дурак!

– Вот она где у меня! – хрипло тянул Георгий Иванович. – Сколько я за неё денег и сил положил! Погляди, ведь чистая ведьма! А глазками как поглядит ангельскими...

– Да ну, братец, эк тебе мозги-то покривило. Больше не наливай. Шёл бы спать.

– Ведьма, ведьма, верно мама говорит. Благословения взять не захотела. Мама рассержена...

– Да ну тебя совсем! Нормальная баба. Женат ведь, чего там теперь. Не дури, пойди спать.

Елена Николаевна вернулась к лестнице, опасаясь, что кто-нибудь выйдет из кабинетика. Возле самых перил она обнаружила два своих чемодана и коробки – её вещи привезли от графа. Очень кстати. Она приволокла багаж в спальню и снова крепко заперла дверь. Переодевшись и причесав волосы, она почувствовала, что голодна. Немного помедлив, решила спуститься в кухню.

Первый этаж был также тих и сонен. В буфете она нашла остатки свадебного пирога, вино и сыр. Захватив всё это, она начала, было, красться к лестнице, но шум из-за двери, в которой накануне мелькал серый чепец, заставил её замереть на месте. Однако, подумав, что будет хуже, если её застанут здесь, да ещё с едой, она быстро поднялась по лестнице и остановилась на промежуточной площадке. И вовремя.

Из двери кто-то вышел со свечой, раздался приглушённый смех, возня, и женский голос, показавшийся знакомым, произнёс:

– Наказать его надо. Я накажу.

Картавый мужской сип ответил:

– Эк ты, неймётся тебе. А барынька у вас мягкая, хорошая барынька.

– Хоть золотая, да мне не указ.

Проводив кавалера к выходу, женщина заперла дверь и пошла назад, приговаривая:

– Наказать надо, наказать.

Она была пьяна, так что не сразу могла попасть рукой на ручку двери, выругалась и надела по двери коленом. Когда пламя свечи осветило её лицо, Елена Николаевна узнала тощую нищенку с церковного двора.

Размышлять, что бы это значило, было некогда. Да и какое это имеет значение, если утром она всё равно уедет в Москву? Наощупь, так как лампу пришлось погасить, чтобы

не обнаружить себя, она добралась до комнаты. Ста-раясь ступать неслышно, она заметила, что на лестнице уже нет ковра. Да что ей с того? То, что это странное место, населённое странными людьми, занимающимися тёмными, таинственными делами – это ей было ясно.

Немного перекусив в комнате, она прилегла на кровать и стала ждать рассвета. Сон всё же завладел ею, она заснула, когда сквозь шторы уже просачивался свет раннего утра. Проснувшись и поглядев в окно, она увидела, что солнце давно в зените. Елена Николаевна умылась и прочла молитвы. Выходить из комнаты не хотелось, да и не имело смысла. Однако ожидание в неизвестности было тягостно и, кроме того, ей хотелось поскорее покинуть мрачный дом. Женщина решила, что до станции она наймёт извозчика. Надо спуститься вниз и сказать, чтобы один из лакеев отнёс её вещи в экипаж.

Она уже направилась, было, к двери, но тут снаружи слышались шаги, и голос свекрови громко и раздражённо произнёс:

– Обед на дворе, а господа хорошие всё почивают!

Вслед за этим раздался стук в дверь. Елена Николаевна открыла и поздоровалась со старухой.

– Доброе утро, Агриппина Яковлевна.

Та удивлённо воззрилась на невестку, некоторое время молча глядя то на неё, то на комнату. Наконец недовольно выдавила:

– Семьдесят три года Агриппина Яковлевна!

Развернувшись с самым презрительным видом, на какой только была способна, она направилась в сторону кабинетика. Елена Николаевна приостановилась у лестницы, слушая, как старуха стучит в дверь, затем открывает её, цокает языком. В открывшийся проём слышится мощный хра-повой дуэт. Елена Николаевна поспешно стала спускаться по лестнице, думая о том, что она пробыла в этом доме менее суток, а уже крадётся, вздрагивает и прислушивается, как преступница или загнанный зверь. Что случилось бы с нею, останься она здесь?

Но теперь всё к лучшему. Хотя и придётся ей до конца дней жить словно вдова или монахиня, одинокой при живом муже – она ведь никогда не нарушит данный при венчании обет верности, она это знала наверняка – значит того хочет Бог! Боже мой, какие надежды внушил ей Лихой, какие мечты о мирной и счастливой жизни лелеяла она! Думала, что вот теперь-то семья укроет её от демонов дома графа С. и согреет после безотрадного одиночества. Не только себе, а и Вареньке помочь хотела. «Глупа ты, голубушка, в свои годы и жизни совсем не знаешь».

Женщина тряхнула головой, словно отгоняя навязчивые мысли. Довольно хандры! Скоро она будет дома и увидит своих малышей и Глашу.

На первом этаже она чуть задержалась, соображая, в которой из комнат живут лакеи. Первая слева от лестницы – кухня, вторая – Федосья Яковлевны, оттуда слышалось её старческое покашливание и оханье; справа – таинственные особы в серых чепцах, значит – вторая справа. Она постучала. На пороге возник помятый мужик из вчерашних, почёсывая щетину на подбородке. Он икнул и уставился на женщину.

– Послушай, как там тебя, возьми наверху вещи и отнеси к извозчику.

Мужик хмыкнул и, обращаясь к кому-то в комнате, сказал:

– Чудная барынька! Она думает – мы в лакеях тут состоим.

В ответ донёсся хриплый смех, и Елена Николаевна услышала ошеломившую её фразу:

– Самому пора в лакеи поступать. Другой месяц ничего не даёт, сами на добычу ходим. Да ещё барыньку завёл.

Женщина поспешно закрыла брошенную обитателями дверь. Она чувствовала, как лицо её горит, а на сердце напоззает противный холодок. Какая низость! Какие ещё оскорбления пришлось бы пережить ей? Ничего, она поста-рается перенести вещи сама.

Внезапно она вспомнила, что у неё нет денег на дорогу в Москву. На извозчика до станции, пожалуй, хватило бы. Но куда ей ехать? К кому обратиться здесь? Она совершенно одна. В своё время граф С. обещал проводить её домой, разумея свои средства. Она вынесет ещё одно это унижение, ради того, чтобы скорее покончить с этим фарсом: поедет к графам и попросит у них денег взаймы. Боже, что станет теперь с Варенькой?!

Раздался стук у входной двери. Елене Николаевне пришлось открыть. Молодой посыльный из театра осведомился, может ли он забрать арендованный вчера фрак и ковровую дорожку. К счастью, женщине не пришлось идти разыскивать новоиспечённых родственников, чтобы задать им тот же вопрос. Из своей комнаты появилась Федосья Яковлевна, волоча ковровый рулон и свёрток, скрывающий в себе, видимо, упомянутый фрак. Елена Николаевна усмехнулась: она вышла замуж за шута, одетого во фрак, в котором кто-нибудь лихо отплясывал в оперетте! Остаётся только крикнуть: «Браво»!

Тётушка передала свою ношу посыльному, произнеся: «Деньги отданы». Голос её был так же безцветен, как и весь облик, как бы говорящий, что всё, происходящее вокруг, её давным-давно не удивляет и не интересует, и что бы ни случилось, это не потревожит её внутренне вечно сонного пребывания. Так же вяло и равнодушно, как появилась, она утянулась восвояси.

Елена Николаевна тоже вернулась в комнату, думая о том, что ей придётся тащить багаж по переулку до перекрёстка с улицей, где можно найти извозчика. Ничего, главное поскорее убраться отсюда. Она нашла в вещах накидку, шляпку, и взяла в руки первый чемодан. В этот момент в комнату резко вошёл Лихой. У него, видимо, были какие-то определённые намерения, но вид жены на миг озадачил его.

– Позвольте полюбопытствовать, сударыня, далеко ли Вы собрались?

Не дожидаясь ответа и резко переменяя тон, он упал на колени, обхватил руками опешившую женщину и заговорил быстро и возбуждённо, сменяя страстные интонации приказным тоном:

– Ради Бога, прости меня, голубка моя! Я не знаю, что на меня нашло. Ты никуда не поедешь! Что за ерунда? Снимай сейчас же всё это! Я без тебя жить не смогу, я столько ждал, столько сделал, столько за...

Он резко осёк едва не сорвавшееся слово, но Елена Николаевна тотчас вспомнила его вчерашнее пьяное бормотание. Он кому-то заплатил. За что? Додумать ей было некогда, так как «безумно влюблённый» хватал её, сдирал с неё накидку и бормотал свои сумасшедшие речи, пока она, резко рванувшись, не оттолкнула его.

– Оставьте, сударь! Я оделась и ожидаю отъезда, как Вы изволили распорядиться вчера. Пожалуйста, приготовьте Ваш экипаж. Думаю, что эту любезность Вы должны мне оказать, раз уж я еду по Вашей инициативе.

– Леночка, ну перестань! Никто никуда не едет. Я был ужасно, неподобающе пьян. Я ждал так долго своего счастья, я был так одинок! Я испугался, что ты оттолкнёшь и меня, как мою матушку.

– Я не толкала Вашей матушки, я Вам уже объяснила. Наши представления об этикете несколько расходятся. Вас ведь не устраивает уровень моего воспитания. Впрочем, это уже не имеет никакого значения.

Говоря всё это, Елена Николаевна вновь поправляла одежду, но муж снова подскочил к ней, и борьба началась сначала.

– Дорогая моя, единственный мой человек, ну не надо мне снова всё напоминать! Я был пьян, я расстроился и разозлился. Я так долго тебя ждал и перенервничал.

– А мне кажется, мы сошлись с Вами слишком поспешно!

– Нет, нет! Ты не знаешь, ты не знаешь!

Елена Николаевна испугалась, что поведение мужа опять перейдёт в безумие, но он, напротив, говорил всё мягче и рассудочнее, объяснял, умолял, просил прощения, призна-

вался в любви, и снова всё по кругу, и всё это время старался обнимать и ласкать её. Нервная и почти бессонная ночь вымотала Елену Николаевну, она не могла противостоять натиску мужа. К тому же, он был физически очень силен. Оказавшись притиснута к самой кровати, она упала на неё, и ожидала, что Лихой накинется на жену, как дикарь. Но вместо ожидаемой грубости, муж удивил её вниманием и совершенно переменившимся тоном. Он говорил и говорил, то обращаясь к ней, то вспоминая что-то из своей прежней жизни, и всё время крепко держал её в объятиях, целовал и гладил по голове. Женщина была изумлена, как будто даже не два, а сразу несколько разных людей предстали перед ней. Сейчас Георгий Иванович был проникновенен, искренен, и действовал так, как подсознательно она, наверное, и хотела бы, чтобы он действовал с самого начала.

Как он, оказывается, умеет убеждать! Впрочем, она уже имела возможность удостовериться в этом. Результатом и стала их женитьба. Ничего из его прежних слов она не проверяла, так всё, казалось, было ясно. Конечно, её загнало к нему фантастическое, мерзкое и непостижимое состояние в доме С. Уехала бы она домой, всё улеглось и забылось бы, как нелепица. Но почему, собственно, она должна была отказаться от его предложения? Почему надо было продолжать и без того затянувшееся одиночество? Ведь она и собиралась найти мужа. Ну, не так он богат, как хотелось бы, но ведь не нищий, дворянин. Видимо, долго жил один среди своей богадельни, да, может, и правда, полюбил её, вот и нашло затмение. Принял лишнего для храбрости.

Пока она думала всё это, муж продолжал убеждать её остаться, простить и всё в том же духе.

В конце концов, их борьба перешла в молчание, а молчание в согласие.

– Поклянитесь, что никогда не повторите подобного безчинства! – сказала Елена Николаевна, впервые чуть-чуть приобняв своего супруга. Клятва была тут же дана.

Они провели в комнате весь оставшийся день, и, страшно проголодавшиеся, наскоро перекусили тем, что любезно предложила Федосья Яковлевна. Мамаши Лихой дома не было, но это никого не беспокоило. Жорж вспомнил, что они должны ездить с визитами. Ехать они могли, собственно, только к графам С. Елена Николаевна, поморщилась при мысли об этом визите, но в свете наступивших перемен этот дом уже не казался ей таким ужасным. Она снова почувствовала себя защищённой и успокоенной. Назавтра супруги Лихие отправились в гости.

* * *

Вся следующая неделя протекла безмятежно. Молодожёны проводили вместе время, ездили на прогулки, вечерами беседовали в зале. Георгий Иванович очень любил рассказывать, то и дело повторяя: «Понимаешь, Леночка?» Эти беседы открыли ей, что её муж очень эрудированный человек, умеющий подметить не только суть сложных явлений, но и, порою скрытую, связь между ними. За его видимым покровом холодности кипела бурная работа ума и души. Мало-помалу он увлекался собственным повествованием, начинал горячиться, кричать, так что жене приходилось брать его за руку, чтобы он успокоился.

В общем-то, она с интересом слушала его, но скоро заметила, что муж часто повторяется, несколько раз пересказывая одни и те же эпизоды и делая одни и те же, порой, тенденциозные, выводы. Часто мотивом его речей становилось бичевание и негодование. Хотя, всё, что он говорил, было, в сущности, правдой, но её пугало его горячность и выражение лица. Сама она была трусихой, и всё, что пугало и угнетало, старалась отодвинуть подальше от себя. К тому же, на горьком примере отца она убедилась, что значат в этом обществе даже самые невинные слова.

Георгий же Иванович был не такой. Откровенный, честный и горячий. В такие минуты он был словно не от мира сего. Она никогда ещё не встречала подобных людей, и он просто ошеломил её силой своей страсти, которая так противоречила её вечному желанию тишины,

и ещё более – не соответствовала затхлости окружающей его обстановки. Очевидно, что в доме нет никого, способного не то что понять его, но хотя бы внятно слушать.

Елена Николаевна понимала то, что он говорил, и весь ум её соглашался с этим. Но душа пугливо куда-то шарахалась. Муж говорил о вещах великих, высоких, замечательно чистых и верных. Это восхищало и волновало её. Но очень скоро ей хотелось перейти к обсуждению домашних дел. Поняв это, Георгий Иванович замыкался или вовсе уходил, и вид у него был такой, словно его окатили ледяной водой. Это огорчало жену, ведь и он сам иногда уклонялся в совершенно иную, ещё более низкую, чем просто домашние дела, сторону.

Что ж, так или иначе, эти разговоры помогали ей составить дополнительное представление о человеке, с которым её связали судьба и собственная глупость. Очень многое ей нужно понять. Какие дела у него с графом С., и отчего он так противоречив? Он расположен к жене, это очевидно. Но какой тайный червь грызёт его изнутри, меняя его настроение, и в его удивительных красивых глазах поднимает донную муть?

В одну из ночей ей приснился сон: она сидит на стуле в каком-то незнакомом месте. К ней подходит маленькая темноволосая женщина с крупной родинкой на щеке, гладит её по голове и говорит: «Бедная ты, бедная». Совсем короткий, непонятный, но очень яркий эпизод.

В первое время Елена Николаевна между делом осматривала хозяйство. Комнаты она уже видела все, они мало отличались друг от друга, одинаково бедные и унылые. Женщина собиралась в ближайшее время освежить и украсить интерьер, сделать его веселее и уютнее. «Ничего удивительного, – говорила она себе, – мужчина и две старухи не в состоянии были этого сделать. Я всё потихоньку налажу». Второй этаж состоял из четырёх комнат, включая обиталище свекрови, в которое она редко кого-то впускала.

Федосья же Яковлевна, напротив, норовила зазвать к себе нового человека и принималась рассказывать всякую околесицу, перемежая, к тому же, русскую речь с малороссийской. Елена Николаевна старалась быть вежливой, но это стоило большого труда, т.к. тётушка не обращала внимания ни на какие попытки закончить разговор и продолжала бормотать монотонным и блёклым голосом. Бедняге явно не хватало внимания в этом доме, с ней почти никогда не разговаривали. Сестра лишь отдавала ей указания по хозяйству, которым они занимались.

Старухи возились со стряпнёй, и Елена Николаевна старалась помочь им. Всё же, она задала мужу вопросы, которые у неё накопились за это время. Почему прислуга так надолго отпущена? Не пора ли им оставить свои дела и заняться обязанностями?

– Кого ты имеешь в виду, дорогая?

– Но... те люди, живущие в двух комнатах на первом этаже?

– Это никакая не прислуга. Это те, о ком нам должно заботиться.

– ??

– Ты же видела: там я даю приют беднякам, несчастным, не имеющим своего крова.

– И кормятся они тоже с нашего стола? Я видела, как твоя матушка носит им еду.

– Конечно, дорогая. Наш христианский долг заботиться о ближних.

– Зачем же ты их нарядил? Вот я и подумала, что это лакеи.

– Я хотел сделать тебе приятное в день свадьбы, чтобы всё было красиво.

Она постаралась улыбнуться, показывая, что признательна. Однако нужно было всё разъяснить до конца, что происходит под одной с нею крышей.

– Но почему они не работают? Это всё здоровые и не старые люди.

Глаза Лихого потемнели, он с досадой посмотрел на жену:

– А, ты, значит, гордая, не желаешь помогать?!

– Что ты, Жорж, я лишь хочу знать всё, что связано с твоей жизнью, быть ближе к тебе.

– Всего тебе знать не обязательно!

– Но твои квартиранты говорят, что ходят на какую-то добычу. Что это значит? Это воры?

Лихой стал мрачен. Елена Николаевна тут же решила, что не произнесёт более ни слова, иначе муж сделает что-нибудь страшное. В подтверждение её мыслей он кинулся к ней, уставив глаза перед самым её лицом, и закричал:

– Что ты говоришь? Какая добыча? Откуда ты это взяла?

Он покричал ещё какое-то время, затем умолк, побегал из угла в угол и, поскольку жена молча ждала конца представления, со злостью бросил:

– Молчишь? Ну, молчи! – с этим он вылетел из комнаты.

Это была вторая ссора. Целые сутки муж не разговаривал с нею, ходил насупленный, сердито сопя и всем своим видом показывая, что оскорблён невинно и до глубины души.

Молчание в одиночестве, в чужой обстановке становилось невыносимо. Не находилось никакого занятия, чтобы отвлечься, в доме не было ни книг, ни ниток для вышивания, ни денег, чтобы преобразить комнаты. Елена Николаевна старалась помогать свекрови на кухне, но та хранила ещё более сухое и враждебное молчание, чем её сын, а Федосья Яковлевна, по обыкновению, бормотала себе что-то под нос, находясь в каком-то своём мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.